

Охотник на мафию

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест
Охотник на мафию

«Автор»

2023

Шелест М. В.

Охотник на мафию / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Главный герой из 2023 попадает в 1995 год и пытается извлечь личную выгоду из знания будущего, включившись в передел собственности. Книга - абсолютная выдумка автора. Все события и персонажи вымышлены. Совпадение имен, образов и событий случайны. Одним словом - фантастика. Но Тихоокеанский флот врагам подарили - это правда. Однако в новой реальности это ещё не факт.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	29
Глава 6.	33
Глава 7.	38
Глава 8.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Шелест

Охотник на мафию

Глава 1.

Юрия Мамаева хоронили со всеми почестями, положенными погибшему от пули преступника офицеру спецназа. Были сказаны соответствующие случаю слова, прозвучали выстрелы салюта. Разошлись и разъехались скорбные родственники и знакомые. Когда место опустело, к укрытой цветами и венками могиле подошёл человек и положил четыре гвоздики.

– Извини, дружище, – сказал он. – Это тебе от нас двоих. Абдула прийти не смог. Лежит под капельницами. Очухается, мы с ним вместе придём. Прости, что меня не было с тобой.

Андрей заплакал.

– Прости, братишка!

* * *

Сознание возвращалось медленно. Сначала в сплошной тьме промелькнули вспышки северного сияния. Потом появились какие-то образы: человеческие лица, трава и муравей крупным планом, озеро, купающиеся люди. Парни, девушки, дети... Городские улицы, машины... В основном белые Тойоты. Мелькнули знакомые лица, но кто это, сознание сквозь сон не улавливало.

Потом снова резко потемнело и веки, дрогнув, приоткрылись. Перед глазами было лицо склонившейся над ним девушки. Её, чуть подведённые тушью, серые глаза с прищуром смотрели пристально и с интересом. Губы разошлись в улыбке.

– «Врач», – подумал полковник, поняв, что на женщине надета белая шапочка и халат. – «Значит я в госпитале. И это уже хорошо, что не в вонючей подворотне».

Он хорошо помнил, как бежал с автоматом в сторону выстрелов, а потом вдоль стеночки крался по подворотне в темноте, боясь нарваться на пулю, и нарвался. Кто-то хитрее него затаился в темноте, вероятно улёгшись в грязь, и выцелил его по силуэту на фоне звёздного неба. А он ползти по грязи не хотел. Не война же, в самом-то деле?! И дежурство только началось, ходи потом грязным, да и «комок» совсем новый, а новое пачкать сильно не хочется. К новому относишься бережно. Что к новой одежде, что к новой девушке. Полковник заметил вспышку одиночного выстрела и успел всадить в неё короткую очередь.

Пуля, принадлежащая ему, скользнула снизу вверх по бронежилету и... попала в горло.

– В горло? – удивился воспоминанию полковник.

Горло не болело совсем и, судя по всему, не было и забинтовано, а вот грудь при каждом выдохе-выдохе взрывалась болью в нескольких местах. Минимум в трёх.

– Гляди-ка, живой! – услышал он мужской удивлённый голос. – Удивительно. Очень редкий случай.

– За такую операцию нобелевскую премию давать надо, – сказала девица.

– За медицинские операции нобелевку не дают, – саркастически хмыкнув, сказал мужской голос. – Да и не за какие не дают.

Врач рассмеялся. По тону его голоса чувствовалось, что он был очень доволен, что пациент «скорее жив, чем мёртв».

Пациент, как не выворачивал глаза, говорящего не видел, а поднять голову от подушки не мог.

– А вот если описать случай в журнале, то почёт и уважение в медицинских кругах нам с тобой, Верочка, было бы гарантировано. Да-а-а... Но это не наш случай. Да и не нужно

мне ничего... Главное, что он выжил! Но какое сердце! Ведь ни на секунду не остановилось. Я ковыряюсь в нём, пулю вынимаю, а оно дрожит, но бьётся. Бля-я-я!

Краешком сознания полковник понял, что этот голос ему был знаком, но имя... Имя человека – хозяина голоса, он вспомнить не мог.

– Почему вы, Андрей Юрьевич, говорите: «Мы»? – кокетливо проговорила девушка, продолжая заглядывать полковнику в зрачки. – Это всё вы.

– Нет-нет, Верочка, без вашего ассистирования я бы не справился.

– Да ну вас! Так и стоит перед глазами, как вы кусок кости ключичной доставали. Там же артерия... А крови сколько! А мусора и осколков! Бр-р-р! Он уже две недели лежит, а ни нагноений, ни сепсиса...

– Сплюньте, Верочка! Только не на пациента.

– Тьфу, тьфу, тьфу. Вы ювелир, Андрей Юрьевич.

– Если бы я был ювелиром, жил бы в Израиле, – хихикнул «Андрей Юрьевич».

– «Так», – подумал полковник, – «военврачей с таким именем-отчеством я не знаю. Или меня знают, а я нет? Так не бывает».

Полковник решил проверить горло. Не ранено ли? Руки поднять, чтобы потрогать, он не мог, как, впрочем, не мог и пошевелиться. Он чуть кашлянул, проверив связки. Нормально! «Кхек» получился сносный.

– Пить, – проговорил он, и его грудь снова вспыхнула болью.

Девушка отшатнулась и из-за её спины раздался смешок, а потом восторженный возглас:

– Ну, Абдула, ты даёшь! Кому рассказать – не поверят.

– А ты не рассказывай, – едва слышно прохрипел...

– «Абдула? Какой-такой «Абдула»? «Абдула» – это не я, – мелькнула мысль.

– Какой я тебе «Абдула»? Мой позывной «Сармат», если что, – сказал полковник и закашлялся, одновременно застонав от боли. От боли же он и потерял сознание.

– Странно, – сказал военврач, обращаясь к обернувшейся к нему Верочке. – Уж кому, как не мне, знать его позывной. – «Сармат», это позывной...

Андрей Юрьевич прервал себя, не окончив фразу.

– Это, Верочка, вам знать не следует.

Военврач стоял, глядя на своего друга, лежащего без сознания и почёсывал подбородок.

– Интересный случай, – пробормотал он.

* * *

Очнувшись в очередной раз, Сармат снова задумался. Получается какая-то хрень. Когда он увидел военврача, он признал в нём полковника Лисицына, которого он вытащил на себе из-за бугра. Так в Афгане называли границу с Пакистаном.

Тащили они, старлеи, тогдашнего майора Лисицына вдвоём с Серёгой Субботиным. Но он тоже был ранен в руку и тащил на себе «стингер», поэтому Лисицына, в основном, волок он, Юрий Иванович Мамаев, по позывному «Сармат».

Радио на чужой территории включать было нельзя, поэтому до перевала шли, соблюдая режим «тишины», а сразу за перевалом встретили свою разведгруппу. Так и вышли.

Лисицын, до командировки окончивший «продвинутые» медицинские курсы, так сам себя обработал и залечил, вынув пули из ног, что в переходе выжил и после выздоровления и комиссования по причине серьёзной травмы правого колена, отправился доучиваться в медицинский. Больше на войне они не встречались, но вот после вывода войск из Афганистана, как-то пересеклись на каком-то торжественном мероприятии и продолжили общаться в Союзе, ибо все трое жили, как оказалось, в одном городе.

Юрка с Сергеем имели четыре командировки за речку и кучу наград, хотя за стингер их только похвалили. Нашлись те, кто их опередил и звезда героя досталась не им. Да и слава, как говорится, Богу. Обещали-то всем по звезде, а дали только одну на троих.

Вот бы им такую козу устроили! Как бы они выбирали, кто достойнее?! Юрка нашёл стингер у духа в повозке среди разного шмутья, а «Абдула» тащил на себе эту хреновину двести километров. Раненный, между прочим в плечо, тащил.

Юрий Иванович стал военврачом-хирургом, и, говорили, хирургом неплохим.

И вот теперь, по мнению полковника, творилась какая-то непонятная хрень. Лисицын упорно называл Юрку «Абдулой», то есть позывным Сергея Субботина. И Юрка вынужден был молчать и не спорить. Сказал старший товарищ, что ты – «Абдула», значит так надо. Самого «Абдулы» рядом не было, да и быть, наверное, не могло. Кто ж его пустит в милицейский госпиталь с его теперешней биографией. Юрка тяжело вздохнул. На другой стороне сейчас «работал» Серёга. У бандитов.

– «Ладно. Потом разберёмся, что надумал Сват», – подумал «Сармат», имея ввиду полковника медицинской службы Лицицына.

Сил на разговоры у раненного пока не было. Он старательно пытался выздороветь и понял, что у него три пулевых ранения в грудную область. Одна пуля, как сказал Лисицын, проникла под бронезилет сверху, сломала правую ключицу и вышла со спины, застряв в задней бронепластине. Две пули пробили нагрудник: одна застряла в печени, а другая в сердце. Пули автоматные, Андрей показывал. То есть, из автомата стреляли сверху.

– «Странно, а видел я только одну вспышку снизу», – то и дело всплывала мысль. Он постоянно возвращался к ней.

– «Я видел одну его вспышку и всю свою автоматную очередь. Почему я не видел и не слышал автомата? Если меня контузило его пулей, где она? Там была арка, какой, нахрен, автомат? Откуда?»

Наконец Юрий смог произнести без перехода на кашель и без отключки более двух слов:

– Почему я «Абдула»? – спросил он военврача, когда они остались вдвоём.

– В смысле? – вздёрнув вверх левую бровь и нахмутив правую, спросил Лисицын. – А кто ты?

– Я «Сармат», – тоже нахмурившись, сказал полковник.

– Чего вдруг?

– Ну, ты это... Андрюша, хватит, а? Чо прикалываешься? Мне трудно смеяться.

Военврач нашёл перед собой рукой стул, не глядя на него, отодвинул его подальше от кровати больного и сел.

– А ты, значит, не прикалываешься? – спросил раздражённо Лисицын. – Мне, между прочим, вообще не до смеха. Я и так тут у вас, как в тюрьме. Почти месяц без выхода за территорию. Меня уже все ваши белки в лицо знают. И я их, кстати, тоже. А дома ждут, между прочим. И позвонить не дают. Благо, привыкли к моим «командировкам» к больным. Время такое, что братки не дают расслабиться.

– Где это, у нас? В госпитале? Не выпускают? С чего бы это? А в каком я госпитале? В МВД?

Военврач сощурил глаза, вглядываясь в пациента, словно только что увидел. Лицо его окаменело.

– В каком, блять, госпитале эм вэ дэ? Совсем сбрендил, Серёжа? Кто тебя туда положит? Если только в тюремную больничку? Но не дай бог! Гонишь, что ли? Не пугай ты меня! Так всё хорошо было! Или ты прикалываешься? Ты себя за Юрку, что ли выдаёшь? Зачем? Тут же все ваши, бандиты... Зачем ты себя «светишь»?

– Какие бандиты? – охренел Юрка. – Какие, блять, «наши бандиты»? Охренел?!

– Сам охренел!

– От охреневшего слышу, – почти крикнул Юрка, закашлялся и отключился.

«Включился» он под вечер, часа через три. За окнами темнело. Очнулся и увидел сидящего на стуле Андрея. Увидел, и поморщился, как от зубной боли. Зачем Андрею было мучить

его напоминанием о том, что они с Серёгой разосрались, не понятно. Хорошо ему, он просто врач в «Тысячекойке». Может общаться с кем хочет, лечить. Хоть ментов, хоть бандитов. Даже обязан лечить, не взирая на «окрас». Клятва, блять, Гиппократа.

А ему как быть, когда Серёга, его друг, не просто бывший спецназовец ГРУ и ветеран Афгана без военного пенсионера, а член организованной преступной группировки? И не просто рядовой член, а лидер бригады, «бригадир», мать его! И носил он среди бандитов кличку «Офицер». А он, Юрий, был ментом. И не простым ментом, а командиром СОБРА при Управлении по борьбе с организованной преступностью.

Разругались они с Серёгой ещё в девяносто первом, когда рухнул Союз. Тогда многих «спецов» вывели за штат и уволили без возможности дослужить до пенсии. Вот Серёгу и закусило. Он, Юрка, плюнул на гордость, амбиции и записался в милицейский СОБР. А Серёга «пошёл в отказ». Сколотил банду из бывших офицеров спецназа и занялся рэкетом. Владивосток город портовый, было чем поживиться.

Андрей сидя на стуле дремал, но проснулся сразу, как только услышал поскрипывание кровати. Юрка попытался чуть сдвинуть затёкшее от лежания в одной позе тело.

– А! – воскликнул он радостно. – Сейчас проверим, кто из нас псих!

Он встал и принёс спрятанное до времени «Ч» за шкафом довольно большое овальное зеркало, обрамлённое пластиковой окантовкой.

– Ну ка...

Военврач поднял зеркало над пациентом так, чтобы тот увидел себя в нём.

– И-и-и? – вопросительно произнёс Андрей.

– Ну, что, «и», – спросил Юрий и раскрыл рот.

На него из зеркала смотрел, тоже раскрыв рот, Серёга.

– «Абдула», – произнёс он и захлопнул рот.

Абдула тоже рот захлопнул.

– Бля-я-я... – простонал Юрий и потерял сознание.

Пришёл он в себя не самостоятельно. Его хреначил по щекам и пихал в нос нашатырную ватку Юрич.

– Не царапайся. Весь нос, блять, поцарапал, – сказал Юрий, уворачиваясь головой от очередного тычка ваткой в нос.

– У меня нет ногтей, – сказал Юрич агрессивно. – Что за хрень ты придумал себе? Если бы ты знал, блять, что Иваныча нет, ты бы, блять, не выёбывался.

– В смысле нет? – удивился Иваныч и хотел продолжить словами: «а я?», но вовремя сдержался.

– В прямом, блять. Убили его. В тот же день, как и тебя подстрелили. Вы не в одном месте были? Тебя твои братки утянули. Я не знаю, где вас постреляли. А полковника нашли в подворотне с дыркой в черепе. Пуля снизу в горло вошла и... А я не мог между вами разорваться. Твои за мной сразу послали и тут закрыли. Но я-то не знал, что Юрку ранило. Вернее... Убило его сразу. Стечкин там нашли.

Юрка слушал и ничего не понимал. Мозг «кипел» в бульоне мыслей. Его стала сотрясать мелкая дрожь потом его тело выгнуло в дугу, повязки лопнули, раны закровоточили.

– Вера! – крикнул врач, наваливаясь телом на пациента.

Прибежала Вера, они вставили сложенную в несколько раз пластиковую папку в рот Серёге и дождались ремиссии приступа и заново сделали перевязку.

Когда ушла Вера военврач спросил:

– Как самочувствие?

– Хреново, – ответил то ли Серёга, то ли Юрка.

Он уже и сам не понимал, кто он. Телом вроде бы Сергей Субботин, а мозгами Юрий Мамаев. Два в одном, блять.

– Это ты, Серёжа, наверное почувствовал, что Юрку убили, вот и заклинило тебя. Говорят, бывает такое.

Сергей сначала застонал, а потом тихо заскулил. Он готов был завывать, заорать, но перетянутая бинтами грудь не давала набрать воздух и горела пожаром боли. Всё-таки он взвыл и, оперевшись затылком и сделав борцовский «мост», резко перевернул своё тело на левый бок, отвернувшись от друга и уперев взгляд в деревянную панель стены.

– Ты бы поаккуратнее, Серёжа, – попросил военврач, но друг не ответил.

«Третьи сутки в пути, ветер камни дожди. На рассвете нам в бой, день начнётся стрельбой... Напишите письмецо, нет его дорожке для бойцов. Напишите пару слов вы девчата для своих пацанов».

Песня долбила и долбила мозг. Сергей подвывал и плакал. Это была их любимая песня. Юрка хорошо играл на гитаре и пел, а Серёга очень неплохо подпевал через терцию, или квинту. Получалось очень неплохо. Получало-о-ось... Получалось, блять, и уже никогда не получится. Потому, что нет Юрки. Или Серёги? Блять!

«И на рассвете вперёд уходит рота солдат. Уходит, чтоб победить и чтобы не умирать. Ты дай им там прикурить, товарищ старший сержант. Я верю в душу твою солдат, солдат, солдат».

Песня долбила и долбила мозг.

Получается, что Сергей сам, лично сам убил его, Юрия, и душа полковника переселилась в тело Сергея. Как такое возможно?! КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО! Но зеркало не обманешь. Он, Юрий Иванович Мамаев, полковник спецназа МВД переселился в тело своего друга, бандита и убийцу Сергея Субботина.

Юрий застонал от осознания катастрофы. Ведь у него осталась жена и двое детей. У него, у Юрия Мамаева.

– «Хорошо, что у Серёги жены нет», – подумал полковник. – «Но мои-то, мои!».

У Серёги тоже были дети, но далеко, в Подмосковье. Жили с матерью, с которой Сергей разошёлся ещё в девяносто первом. Ей перестал быть нужен муж неудачник, дослужившийся только до бесполезного майора.

Именно поэтому Сергей и отправился вслед за Юркой в его родной Владивосток, уже тогда решив собрать таких же «неудачников», как и он и взять то, что ему «задолжало» государство у его богатеньких граждан. ларион

Сергей и Юрку убалтывал долго и упорно, как девушку.

– «Но не поддайся я», – криво усмехнувшись сквозь слёзы, подумал Мамай. – «И что сейчас делать? Жить-то как? Продолжать бомбить комерсов? Так просто из группировки не выйдешь. Вальнуть Балугину и возглавить? Кто ж тебе даст-то? Там ещё человек десять валить придётся, причём одновременно».

Юрий вдруг напрягся от промелькнувшей, дикой и шальной мысли.

«Ты же мечтал внедриться в криминальную структуру! Вот и внедрился, твою мать! Внедрился и действуй! Тогда точно можно попробовать взять власть в крае. Или хотя бы зачистить его от отморозков».

Серёга в последнее время стал вкладывать деньги в контрабандный «бизнес», раскидывая товар по крышуемым коммерческим точкам. Таскали, в основном, китайскую свинину и их же водку.

– «Это – писдес, – застонал мысленно Юра.

Или Сергей?

Глава 2.

– А почему, никто, кроме вас с Верой, не заходит? – спросил Юрий врача.

– Порядки тут такие. Ваш старший ввел. Я не первый раз ваших бойцов латаю. Да и тебя... Не помнишь, что ли?

Юрий помолчал.

– Ты знаешь, Сват, а меня и вправду с башкой что-то неладное. Вон... Это... Припадков, никогда не было. А в голове... Звон какой-то постоянно, словно пчёлы поселились, и мысли, словно кипят, – соврал Юрий. – И, как в «Джентльменах удачи»... Тут помню, тут не помню... Раньше я думал, что так не бывает.

– Наверное, всё же сердце твоё останавливалось и произошло нарушение работы головного мозга. Вегето-сосудистая дистония... Я не спец по мозгам. Можно будет к нашим спецам обратиться.

– Можно.

Но Юрка вдруг вспомнил, как его «латали» здесь же, но латал не Юрич, а какой-то другой врач. Юрич уже потом пришёл и всё перешивал, чем-то мазал, дренажи ставил. Бочину тогда Серёге хорошо пропорол. Едва селезёнку не задела.

– Не ты тогда лепил меня, – сказал он. – Долепливал.

– Точно! – обрадовался Юрич. – А говоришь, не помнишь.

– Я ж говорю... Что-то помню...

– Ну да, ну да...

В эту клинику, созданную братвой на базе санатория «Амурский Залив», если возникала надобность, возили раненных руководителей и лидеров группировки. Санаторий ранее не предназначался для хирургических больных, но после того, как его год назад выкупил один из «партнёров» Серёгина «шефа», часть помещений отвели под специфические нужды криминала, закрыв от посетителей и обычного персонала санатория под предлогом проживания там «хозяина». Помещения тайно перестроили под хирургическое отделение, оснастив новейшей хирургической техникой и оборудованием, а в подвал провели лифт и переоборудовали в морг.

Именно по рекомендации «Абдулы» в отделении ввели строгий режим секретности. «Пациенты» никогда не знали, кто ещё «в теремочке живёт». Привезли раненого, прооперировали, если выходили, то отпустили, не выходили, значит охладили в подвале и в удобный момент вывезли, либо на ложной машине скорой помощи, либо на мусоровозе.

Криминальная «Скорая помощь» и криминальная мусорка катались с дубликатами настоящих регистрационных знаков с перебитыми агрегатными номерами, и даже вмятины и другие опознавательные признаки на них были идентичны оригиналам. Гаишники, ребята внимательные, учитывать нужно было всё.

И это всё вдруг «вспомнил» Юрий, бывший командир СОБРа, а ныне один из соратников Владивостокского авторитета Балугина. «Вспомнил» и ему поплохело. Юрий откинулся на подушку и снова отвернулся к стенке лицом.

– Ну, что ты, Серёжа? Так бывает. На войне, как на войне.

– Где ты войну видишь? – проскрежетал зубами Юрий.

– А что вы устроили, как не войну? Иваныча ведь кто-то из братков убил, а тебя, кто-то из ментов. Вот так и живём.

– Уйди, Андрюша, самому тошно.

– Вот как? Я-то уйду... Мне, что? Пришёл залепил дырки, ушёл. Пришёл, ушёл. Пришёл...

– Извини.

Юрий повернулся к другу.

– Извини, Сват. Хреново мне.
– И мне, Абдула, хреново. Жаль тебе водки нельзя, а один я не умею.
– Выпьём ещё. У меня как дела?
– Зарастаешь. Кровь хорошая. Регенерация хорошая. Что ещё нужно для солдата?
– А ключица?
– Собрал я её по крупицам. Если не будешь дёргаться, должна срастись, но это будет длиться долго. Год минимум в гипсе.
– Да у меня же рука атрофируется! – вскинулся Юрий.
– А что делать? – развёл руками военврач. – Назначим восстановительный массаж. У нас Мануальщик в больнице есть. Иголками чудеса творит.

Юрий скривился.
– Видел я их. Через трафарет иголки ставит?
– Нет-нет, – рассмеялся друг, – грамотный. Из Китая приехал. Десять лет по обмену работал. В перестройку в восемьдесят пятом уехал, только вернулся.
– А чё не раньше?
– Обмен же, – хихикнул Юрич. – Разведчик там, шпион здесь.
– Понятно. Скажешь охране, что хочу с Дмитричем поговорить. Домой поедешь. Выгребь теперь сам. Лучше себя чувствую.
– Ну, да... Месяц уже. Пора.
– Много тут... наших? – спросил Юрий, и его едва не стошнило от этого слова: «наших».
– Ты же знаешь... Тут хрен кого увидишь, а я только к тебе приставлен. Даже гуляем в одиночестве.
– Ну и хрен с ними.

Персонал тут, действительно, мог выходить в коридор или на улицу, только если там не было других людей. Нажал на кнопку и жди, когда охрана разрешит выход. Время прогулки в периметре ограничено получасом. Выздоровлявающим там нечего делать. Хочешь на улицу, значит здоров. Но это касалось только прикомандированных врачей, приходящих. Постоянно работали посменно и на улицу вообще не выходили.

– Хотя, – вспомнил «Сергей», – можно же отсюда...
Он нажал на кнопку, встроенную в деревянную панель и сказал:
– Передай Дмитричу, что врача Лисицына можно отпустить домой. Сам поправлюсь. Мне уже лучше. Ну вот и всё.

Динамик из-за сеточки, расположенной рядом с кнопкой интеркома вдруг пробулькал:
– Слышь, Абдула. Я твою просьбу передал. Дмитрич сказал, что сам приедет к девятнадцати ноль-ноль. На тебя посмотреть хочет, с лепилой потолковать.

Юрий скривился, но ничего не сказал. А что тут скажешь? Начинаются экзамены.
– Что ты посмурнел? – спросил врач.
Больной снова скривился.
– Не люблю выглядеть беспомощным, – наконец сказал он и мысленно продолжил: «Особенно перед врагами».

А то, что Дмитрич враг, это он знал точно. У бандитов нет друзей. Так и сам Серёга говорил, когда Юрий его спрашивал: «Много у тебя в банде друзей?».

Они помолчали и Юрий... Или Серёга... Заснул.

Потом он просыпался, думал, его кормили, и он снова засыпал. Просыпался, его кормили, он засыпал. Сергей, Юрий наконец-то определился для себя с именем, почему-то засыпал сразу, как поест. И это хорошо, как сказала Верочка, ведь организм во сне восстанавливается быстрее. А имя «Сергей» он выбрал потому, что если бы он сделал наоборот, то ему пришлось бы рассказывать, как он очутился в этом теле. А этого он не знал.

Да и никто, наверное, не знал. Может быть какой-нибудь шаман? Но толку-то Юрию от того, что кто-то найдёт причину перемещения его души в чужое тело. Жить-то надо здесь и сейчас. Расскажи он тому же Дмитричу, что он мент, да его тут же и приколят к кровати. Ни мент, ни псих Дмитричу в напарниках не нужны.

Открылась дверь и в палату вошли. Его криминальный «шеф» и охранник-телохранитель. После череды, по-настоящему громких убийств, а именно взрывов, Сергей Балу ходил и ездил только с телохранителями.

Оценив обстановку, охранник вышел, оставив «шефа» с «подчинённым» с глаза на глаз.

– Ну как ты, Сергей? Говорят, легче?

– Нормально, – скривился от «чувств» «Сергей». – Спасибо Юричу.

– Да-а-а... Хороший врач, твой Юрич. Сколько наших он поднял?!

«Сергей» непроизвольно хмыкнул, имея ввиду, сколько эти «поднявшиеся» погубили людей. «Хмык» вызвал острую боль в груди и «Сергей» машинально посмотрел на забинтованную грудь и скривился.

– Больно? До свадьбы заживёт.

– Свят, свят, свят, – произнёс «Сергей», крестясь левой рукой. – Мне бы пораньше.

Шеф улыбнулся.

– Что, так и не нашёл себе единственную и неповторимую? В нашем театре много симпатичных. Зря ты на спектакли не ходишь. Не любишь классику, так хоть на посиделки приходи, познакомлю.

– Я же говорил, вроде. После развода видеть их не могу. Ненавижу. Как хорёк кур в курятнике давит, знаешь? Вот и я боюсь сорваться и всех передушить.

Эта фраза из уст «Сергея» вырвалась как-то самопроизвольно. Пока Юрий обдумывал, что сказать, Сергей уже сказал. Сергей сказал, а Юрий обомлел.

– «Ни хрена себе, какие у Абдулы тараканы в голове», – подумал он.

«Шеф» улыбнулся, вскинув брови, и неодобрительно дернул головой.

– Слышал я про твои отношения к слабому полу, но чтобы так... Хотел предложить тебе мою охрану возглавить. Всё равно ты сейчас надолго из строя вышел. Туда тебе после таких... Он показал рукой на перевязанные раны.

– Правая совсем никак?

– У меня рабочие обе руки, а боксировать приходилось и одной левой.

– Это понятно, – дёрнул щекой Балу. – Все через это проходили. Но результат, как говорить, разный.

– Возглавить, это как? План через план. Маршруты, поездки, места встреч? А что твой Фёдор?

– Взорвали его, – не дрогнув лицом, сказал «шеф».

Балу по-мужски был красив и всегда выдерживал стиль. Он, практически постоянно, носил костюм и рубашки с правильно подобранными галстуками. Обувь предпочитал только классическую и очень дорогую.

Будучи спортсменом, Сергей Дмитриевич никогда не позволял себе являться на ежедневные бандитские стрелки в спортивной форме. Во-первых, они проходили в центре города возле театра, в котором работала его жена и он там часто в течение дня бывал, а во-вторых, он называл «бандитские стрелки» производственными «совещаниями», а на совещания руководитель должен приходить в костюме с галстуком.

И это работало. Группировка «Балу» была самая «культурная» и самая организованная из Владивостокских ОПГ. Ещё более организованной считалась группировка братьев Ларионовых, но она в этом году окончательно умерла.

ОПГ «Ларионовы» была примером суперорганизованности, но от того и распалась. В их рядах были не обычные бандиты, а высококвалифицированные бойцы спецназа, а сама груп-

пировка копировала структуру и порядки спецслужб. Службой безопасности банды руководил бывший начальник контрразведки Тихоокеанского флота, поставивший работу «предприятия» по образу и подобию военизированных структур.

Однако начальник эс бэ, как это часто бывает, использовал внутренние конфликты и попытался ликвидировать лидеров и перехватить власть. И был ликвидирован сам, как, в прочем, и его подельники. Бунт был подавлен, но «Капраз», как в обиходе называли сэбовца, вероятно, «подрабатывал» на свою бывшую «контору», потому, что «органы» остаток банды взяли быстро и одного из братьев буквально недавно довели до предъявления ему обвинения в создании организованной преступной группировки, на счету которой официально числилось четырнадцать убийств. Другой брат сложил голову от рук «бунтовщиков».

Это всё вспомнил Юрий, неоднократно читавший ежедневные сводки и оперативные сообщения. Милицейскому СОБРУ были приписаны не только силовые функции, но и функции оперативного подразделения.

Адекватных «ларионовских» спецназовцев прибрал к рукам Сергей Субботин, и они сейчас создавали костяк его «бригады». Юрий мысленно сплюнул. «Его», блять, бригады. И что значит: «адекватные спецназовцы». Эти два понятия, по мнению Юрия, не совместимы без долгой психологической адаптации в обществе.

– Я понимаю, Дмитрич, что такое «производственная необходимость», о которой ты часто говоришь на «производственных совещаниях» но я, всё-таки, полевого игрок. Что-то помочь разработать: маршруты, там, охранные схемы, персонал подобрать... Это – да, а управлять этим ежедневно и отвечать за твоих балбесов, которых ты обязательно втулишь мне, я не хочу.

– Боишься ответить? – зацепился Балю.

Юрий помолчал.

– Мне чужого не надо. За своё пока отвечал сам. А за чужое... Тянуть надо за своё, а чужое пусть «паровозы» тянут, – перешёл «Сергей» на блатной жаргон, которого «шеф» не мог терпеть.

– С каких это пор «моё» перестало быть твоим? – поймал Юрия за язык Балю, улыбаясь.

– «Не-е-е... Надо больше молчать», – подумал полковник, – и давать волю Серёгиным рефлексам».

– Ни с каких. Просто ты ведь не дашь мне делать так, как надо. Ведь конечный результат моей будущей, как я понял, работы – твоя жизнь. А за неё я могу отвечать только если делаю по-своему. Это как школы в карате с разными техниками. Одни бьют ногами, поднимая пятку опорной ноги, а другие с прижатой. Одни локоть поднимают вверх, другие прижимают. Я не знаком с другой техникой, шеф. Системы не будет.

– А если дам? И не буду вмешиваться... Согласуем, конечно, всё и действуй. Как раз твой спецназ пригодится. Хватит им по подворотням с ментами стреляться. Ты, кстати в курсе, кого подстрелил?

Балю с интересом посмотрел на «Сергея».

– В курсе, – посуровел «Сергей».

– Откуда? – удивился «шеф». – Ты ж тут лежал без сознания.

– Юрич сообщил, что Иваныча убили, а я сопоставил.

– И как ты?

«Сергей» медленно произнёс:

– Тяжело.

Он вздохнул.

– Дружили ведь. Война, однако...

«Шеф» явно одобрительно оценил реакцию подчинённого и кивнул головой.

– Ты там «Стечкина» бросил. Следов не оставил?

– Мы работаем в двух перчатках и одни из них медицинские, – буркнул Сергей.

Юрий тоже приучил себя и летом, и зимой на задание надевать тонкие кожаные перчатки, но то, что Сергей постоянно «работал» ещё и в резиновых, он не знал. Это же совсем другие ощущения, как в сексе. Надо будет привыкать.

Чужая память всплывала у него в голове... в его новой голове... по мере обсуждения какой-нибудь темы, и Юрий молча благодарил друга.

– Ну... Бережёного бог бережёт. Полежишь тут подольше, планы порисуешь, а мы поделимся с ментами. Что у них на нас есть. Они сейчас землю рыть будут, целого полковника убили, командира СОБРа. Хорошо, что твои спецы и своих, и чужих вытащили через задний двор. Ментам только следы осталось понюхать, когда прибежали.

«Сергей» тему не поддержал, и «шеф» замолчал, продолжая внимательно разглядывать насуспенного «подчинённого», размышляя, не сломался ли тот. Не разглядев эмоций, кроме заявленного: «тяжело», Дмитрич удовлетворённо хмыкнул.

– Значит, я понимаю, ты принимаешь предложение от которого не сможешь отказаться? – спокойно спросил «начальник».

Фильм «Крёстный отец» бил рекорды по просмотрам и был любим в бандитской среде. В шляпах, конечно, никто не ходил, но длинные пальто и кожаные плащи котировались.

– Принимаю, – внешне вздыхая, но мысленно подавляя волну восторга, согласился «Сергей».

– Тогда слушай. Если ты говоришь о системе, то тогда в нашу... э-э-э... охранную схему нужно включить и другие коммерческие структуры, с нами открыто не связанные. А это очень разнообразный и географически разветвлённый бизнес. Ты удивишься, но наши экономические интересы распространяются даже на Африку, а политические – вплоть до Москвы.

Сергей саркастически улыбнулся. На его лице проявилось недоверие.

– Не веришь? Пока поверь на слово. Сможешь хотя бы левой рукой шевелить, я тебе принесу документы. Приспособим тебе столик.левой рукой пишешь?

– Я даже левой ногой пишу, – буркнул Сергей. – И рисую.

– Да? Как-нибудь покажешь, – хохотнул Балу.

Настроение у него явно улучшилось, в пример тому с которым он пришёл.

– Ты, Сергей, допускаешься в ближний, так сказать, круг, а он, это, не только я, моя жена, дети, наши «бригады»... Это ещё и наши тайные партнёры: полезные связи и тайные коммерческие структуры. Если согласишься включиться в работу по обеспечению комплексной безопасности всего нашего бизнеса, то выхода из неё не будет. И я говорю «нашего» потому что, во-первых, я в этом бизнесе не один, а во-вторых, ты тоже будешь иметь в нём свою долю. Обдумай. А я выйду, пока. Позвонить надо.

Сергей понял, что «шефу» вдруг потребовалось позвонить для того, чтобы сообщить о состоянии кандидата на предложенную должность и для получения новых инструкций. Интересно, от кого?

– «Ну, да всё вскоре прояснится. Ишь ты! Бизнес в Африке! Алмазы что ли?», – подумал Сергей. – «Там этого добра, как грязи».

Пока отсутствовал «шеф» «Сергей» вспомнил аналитические справки, которые когда-то читал полковник и предположил, что, Балу может иметь отношение к руководителям Дальнегорского завода «Полиметалл», перерабатывающего вольфрам, добываемый в Приморском посёлке Светлогорье. Третье в мире месторождение по запасам, между прочим.

В голове Сергея промелькнула мысль, что стратегические запасы вольфрама, хранимые СССР, были выброшены на внешний рынок. И цены на вольфрам на международных биржах сейчас упали. То есть, кто-то на вольфраме заработал валюту, а горнорудная компания обанкротилась. Что это за мысли ни Сергей, ни Юрий не понимали. У Сергея такой информации

в голове в принципе быть не могло, а Юрий про такое не читал и ни от кого не слышал. Не его тема.

—

1ОПГ – организованная преступная группировка.

Глава 3.

– Значит, слушай вводную. То, что ты видишь и в чём вынужден участвовать, это вершуха айсберга. Две трети айсберга находится под водой, где царят тишина и покой.

– «Поэт, однако», – удивлённо подумал полковник, но лицом не дрогнул.

– Над морем бушуют бури и шторма, а под водой тишина. Но иногда бури и шторма достигают и нижнюю часть и разрушают её. Тогда айсберг переворачивается.

– «Ни хрена себе! Он сценарии для театра не пишет? Образное у гражданина мышление».

– Так вот! Задача службы безопасности этого не допустить. Причём, как с помощью наших... Э-э-э... Как с помощью методов силовых структур, так и с помощью иных методов. Любых. Желательно законных. Предпочтительно законных. Так как нижняя часть айсберга находится в зоне давно прописанных и всем понятных правил и, в общем-то, правового, так сказать, поля. Это ясно?

Юрий не стал умничать, задавая вопросы, а Сергею всё было понятно.

– Понятно.

– Хорошо. Значит договорились... То, что творится наверху, не должно касаться основания. А в основании у нас чистый бизнес и политика.

– Про политику я не спрашиваю, но что такое, чистый бизнес?

– Понимаешь, Сергей. Через лет десять всё это, – он ткнул пальцем полковнику в перебинтованную грудь, – отомрёт. Эволюция. Ещё Дарвин говорил.

– Не революция, а эволюция? – удивился Юрий. – В как же это? Ведь меня хотели убить.

– Эволюция, брат. Именно эволюция. Выживает сильнейший. Естественный отбор. Вот государство по привычке, так как там наверху сидят бывшие коммунисты, хочет и переход от коммунизма к капитализму сделать революционными методами. Но у него ничего не получится, пока сильные не съедят слабых.

– Ты уверен, что мы выживем? – осторожно спросил Юрий. – Что мы – сильнейшие?

Балу хмыкнул, скривив правый уголок рта.

– Конечно уверен. Иначе бросил бы всё это, – он обвёл помещение пальцем, – давным давно и тихо платил бы кому-нибудь, кто покруче, дань.

– Так мы, вроде, и так платим ворами? В «Общак», в смысле.

– Это, Сергей Григорьевич, система, куда платить, как говорится, не западло. Воровским традициям лет, наверное, триста. Даже дедушка Ленин и Иосиф Виссарионович платили. А те, кто выступают против древних традиций, долго не проживут. Да и как не платить, если в нашем отечестве говорят, что от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Вот попаду, не дай бог, «туда», как Серёга Ларионов...

– Не надо, – машинально сказал Сергей.

– Сам не хочу, слушай! – с кавказским акцентом произнёс Балу и рассмеялся.

Фраза была сказана так артистично, что даже полковник улыбнулся.

– Я тебе больше скажу... Макара Стреляного знаешь?!

Сергей кивнул.

– И то, что мы с ним компаньоны по рыбной теме знаешь?

Кивок.

– Ну так вот... Макар недавно ездил в штаты к Иванькову за «рукоположением».

Серёга удивлённо воззрился на Балу.

– Но не срелось. Да-а-а...

– Почему? – позволил вопрос полковник. Ему было, действительно, интересно.

– Джемлузнал и убедил Японца, что уже давно назначил положенцем Трифона. Но, думаю, Япончик и не думал назначать Макара смотрящим по Приморью. Вот потому и начали

слать деньги в Джему. А сейчас и не соскочишь без войны. Мы это не афишируем, но воры среди своих тему светят, что де «Спортсмены» Владика башляют в общак.

Балу незаметно перешёл на прибалтнённый язык. От одетого в дорожную пиджачную пару «джентльмена», на которого был похож Балу, неформальные выражения слышать было неприятно, и Юрий поморщился. «Шеф» заметил и удивился.

– Коробит от жаргона? А сам?

– Да, не-е-е... Нормально. Костюм глаз режет. А так, нештяг. Поливай!

– Костюм? – усмехнулся Балу. – Ну, да. Культурный дисбаланс? Есть такое дело. Форма противоречит содержанию? Хе-хе! С кем поведёшься, от того и наберёшься.

– Я тоже стараюсь не «ботать», но в последнее время участились рамсы²с синепёрыми³, а молодёжь у нас не сидевшая, вот и приходится на стрелки⁴ездить.

– У, да ладно. Продолжим. Взаимоотношения с «ворами» утомляют и их надо прятать, или они просочатся в тишь да гладь. И тогда это угроза третьему нашему интересу – политике. Ещё отношения склонны развиваться. Либо к сближению, к чему будут стремиться они, либо к разрыву, к чему стремимся мы. Если случится первое и они узнают про наш айсберг, то в «общак» придётся платить не процент с доли, которую мы якобы получаем за «крышу», а со всего бизнеса.

– Поэтому бизнес надо прятать ещё глубже, – вставил своё веское слово Юрий. Просто ему надоело молчать.

Юрию почему-то показалось, что он всю эту лабуду уже слышал. И не только слышал, но и когда-то делал. И он даже мог, если напряжётся, вспомнить названия фирм и лиц, участвовавших в этих закрытых схемах. Мелькнуло даже название банка... Приморский? Он не мог вспомнить, потому, что эти воспоминания были и не Юрия, и не Сергея, а кого-то третьего. И Юрий понимал, что эти воспоминания касались не прошлого, не настоящего, а будущего.

– Надо организовать региональный банк, – вдруг сказал он, – и назвать его «Приморский». А меня сделать управляющим. Та можно и деньги отмывать. Крутанул цепочку авизо⁵, вот тебе и чистый капитал.

Переход с «рамсить» на «авизо» был такой неожиданный, что Балу раскрыл рот. Потом аккуратно закрыл его, чтобы не вывихнуть челюсть, и спросил:

– Ты сам-то понял, что сказал?

Юрка и сам едва не раскрыл рот от удивления. Он финансами не занимался, а уж Сергей был от них ещё дальше. Однако, что сказано, то сказано. Всплыла информация о чеченских авизо.

– Я не про обналичивание, а про банковские проводки.

– Не знал, что ты у нас ещё и финансист, – задумчиво произнёс Балу. – Мы, кстати в этом году банк учреждаем. На одного нашего партнёра по чистому бизнесу. Хозяин фирмы «Ролерс». Слышал про такую?

– Естественно! Сергей Дакин – директор.

– Это наш чистый партнёр. Таких, как он несколько. Есть люди с очень серьёзным бизнесом. Но о них потом. Я тоже хотел бы отойти от силовой темы и нырнуть вглубь, но... Покой, как говорится, нам только снится.

Он вздохнул.

– «Точно, стихи пишет и дарит своим актрискам», – подумал полковник.

– Силовую тему оставить некому. Они-то и рядом со мной дерутся, а я отойду, война начнётся. Как у Ларионовых.

– Так, не уходи, – вставил Сергей. – Стой рядом. Помнишь, как в «Крёстном отце», в третьей части Майкл Карлеоне «отходил от дел» и пытается перейти в легальный бизнес?

– Да, но у него не получилось, не смотря на все его благотворительные фонды и пожертвования.

– С фондом, кстати, у него была правильная идея. Если бы вы его организовали, это помогло бы в политике.

– Херня это, а не идея. Фонд он делал, чтобы притянуть в него другие деньги, но Ватикан его нагрел. Помогать людям надо тихо и только по-настоящему нуждающимся. Если станем афишировать, сразу станут говорить, что это ради «пиара».

– Что такое «пиар»? Впервые слышу, – спросил Сергей, но сразу «вспомнил», что и сам этим занимался не раз и не два. Даже не сам, а целая служба была под ним. Но когда?

– Реклама, значит, – сказал Балугу.

– А-а-а, новое слово в продвижении «бренда»?

– Бренд? А ты откуда знаешь это слово? – удивился «шеф».

– Ну, ты сказал «пиар», реклама... И я вспомнил. Читал. Вроде у тебя в офисе. Ах, да, вспомнил. В журнале Тайм. На столике у тебя лежали.

– Он же на английском!

– И что? Английский у меня Оксфордский. Подзабыл немного, вот и вспоминал от скуки. Так-то читать там нечего.

– Удивляешь ты меня сегодня, Сергей Григорьевич. Или мы с тобой так ещё не разговаривали, или ты вдруг поумнел? Извини. Я шучу.

– Да, ладно. Мало ли кто на кого учился и кем был. Главное, кто ты сейчас. Я – боевик и это мне нравилось.

– Нравилось и разонравилось? – с интересом глядя на подчинённого, спросил «шеф».

– Да, нет. Нормально всё. Сам же грузишь другой работой. Вот мысли и переключились. Учили нас так. Оставляя в прошлом произошедшее и готовить тело и мозг к следующему заданию. Вживаться, так сказать. Помнишь, как в «Тегеран сорок три» Джигарханян переоделся в ассенизатора? Так и мы там лазили. Ничего не изменилось с того времени... Но... Об этом пока нельзя...

– Понятно. Это хорошо. Ты правильно понял. Заниматься будешь брендингом и пиаром. Так твою службу и назовём «отдел маркетинга и связи с общественностью».

Сергей слушал «шефа» и охреневал. Охреневал он и от «себя». Юрию уже казалось, что в теле Сергея собралось не два мозга, а три. Первым был его разум, вторым – Серёгин, а Третьим – непонятно чья память, подкидывающая информацию, к которой ни Сергей, ни Юрий отношения, вроде как, не имели. Или имели? И информация какая-то не современная, а как бы из будущего.

Например, сразу после слов Балугу об отделе маркетинга, в памяти Сергея проявилась, словно перед глазами, табличка с названием «Отдел маркетинга», с должностью и его фамилией «начальник Субботин С.Д.». В голове проявились какие-то компьютерные таблицы, графики, планы продаж и закупок. Компьютерные, блять, таблицы и графики. А компьютеры, что Сергей, что Юрий видели только издали. И что бы это значило?

Ещё Сергей заметил, что его предложения направляли мысль «шефа» как-бы в сторону. Сначала тот явно настраивал подчинённого только на охрану бизнеса, но видя его «продвинутость» и в коммерческих дисциплинах, круг задач вновь образованной службы расширил, «силовой» блок спрятав в чистом бизнесе.

Юрий своим умом понимал, что, как бы они не хотели, от силовых акций пока не уйти, но перспективы, раскрытые ему «шефом», вселяли надежду, что когда-то весь их бизнес станет чистым.

– «Но, ведь айсберги совсем не исчезают», – подумал полковник.

– Было бы неплохо, – сказал он, – эту службу совместить с Дакинским «Ролерсом». Это хороший бренд!

– Ты меня, Сергей сегодня, наверное, добьёшь своими «неожиданными» предложениями. Мы так, в общем-то и хотели. Ты с Серёгой Дакиным знаком?

– Нет. В глаза не видел. Кстати и в банке свой офис тоже надо иметь, – сказал, не обращая внимания на слова «шефа» о «добитии» Юрий.

Его собеседник, застонав, в шутливом ужасе схватился за голову.

– Ухожу, ухожу, ухожу. Я хреню с тебя, Сергей Григорьевич. Или ты так ловко вживаешься в образ, или ты тайный финансист. На бирже не играешь?

– У нас есть биржа? – играя лицом интерес, спросил Юрий.

– Всё! Нет сил. Завтра после «совещания» заеду.

– Берегите себя, Сергей Дмитриевич.

– Тьфу на тебя!

После ухода «шефа» Сергей сразу уснул и проснулся только под утро, когда розовое солнце едва пробивалось сквозь матовое оконное стекло. Санаторий стоял с западной стороны склона, поэтому солнце вставало здесь позже, чем на его сопке.

Проснулся он с наипоганейшим настроением. Всю ночь его мучили кошмары. Он где-то ползал, бегал, стрелял. В него стреляли и топили под водой. То Сергей, то Юрий умирали и возрождались снова и снова бежали, ползли, стреляли.

Снился старый Владивосток с хрущёвскими и Брежневскими застройками и новый Владивосток с многоэтажками на каком-то «Проспекте Красоты». Снился мост через бухту Золотой Рог. Под самое утро приснились похороны Балугу, случившиеся в августе этого года. Случившиеся в ещё не случившемся августе. Шёл июль.

И казалось бы ему-то Юрию, полковнику СОБРа, что? Вроде радоваться надо, а почему-то, не хочется. Бытие определяет сознание? Разум мента вживается в образ бандита? Сергей лежал с открытыми глазами и вспоминал, что напишут газеты про будущее убийство его «шефа».

– И что мы будем иметь? – сам себе сказал полковник и «прижал язык», вдруг вспомнив про то, что в палатах должна была стоять прослушка. Мысль лихорадочно забилась в поиске логичного, но безопасного продолжения. – Отдел маркетинга, значит? Ну, что ж, отдел, так отдел. Где бы ещё специалистов набрать? Из снабженцев, наверное сначала, а там видно будет.

На самом деле фразу: «И что мы будем иметь с того...» полковник хотел продолжить словами: «если всё то, что приснилось, и вправду – будущее». Слишком уж были реальные во сне картинки: высотки на фуникулёре, мост, похороны «шефа». Ему даже удавалось вспомнить лицо главного распорядителя на похоронах. Молодое, симпатичное, представительное. Раньше он этого человека не видел, но вдруг вспомнил его фамилию – Сергей Дакин. Владелец рыбодобывающей компании «Ролерс», чистый коммерческий партнёр Сергея Балугу.

И что делать? Судя по всему, Дакин займёт место Балугу? И зачем это ему, если он в чистом бизнесе? Как говаривали в будущем: если не можешь докопаться до первопричины событий, знай, что это деньги.

Значит, после убийства Балугу, Дакина бросят на спасение «айсберга», потому, что тот не оставит наследника, а претенденты будут пытаться ломать «айсберг» на куски.

Юрий напряг третью часть мозга и «вспомнил», что через некоторое время убьют хранителя общей кассы Карбова, друга Балугу. И подозрение падёт на одного из лидеров боевых подразделений, не удовлетворённого и сейчас вторыми ролями. То есть, если убьют Балугу, сразу начнётся междоусобица. Ни организаторов, ни исполнителей убийства Балугу, не найдут никогда. Юрий теперь это знал точно. Не найдут и убийц Карбова.

– И что делать? – снова спросил себя полковник, наплевав на прослушку, но всё же продолжил беседу с самим собой мысленно. – Где буду я в это время? На чьей стороне? А может меня раньше всех уберут, когда узнают, что я вошёл в «ближний» круг «шефа»? Теперешние ближние и уберут. Тот же Карбов, например. Винников, тот умнее... Скорее, сначала предложит коалицию. Если предложат, надо соглашаться.

* * *

– Ну, ты меня вчера ушатал. Я от тебя ушёл, словно, после пятнадцати раундов, – начал вместо приветствия Балю.

– И тебе здравствовать, Сергей Дмитриевич.

– Привет, Сергей Григорьевич. Как спалось?

– Сны утомили. Всякая хрень снилась. Даже ты.

– Я? В каком виде? Надеюсь не в эротическом?

– «Знал бы ты в каком виде, так бы не смеялся», – подумал полковник, но сказал:

– В «мокром» водолазном костюме.

– О-о-о! Я в нём сексуальный. Мне тебя опасаться надо?

Сколько Сергей знал Балю, тот при любом удобном случае пытался «прокусить» собеседника, постоянно ставя в неловкое положение оправдывающегося. Однако Сергей не отреагировал.

– Ага... Сексуальный такой в гидрокостюме и с воздушным аппаратом с перерезанным шлангом. Лежишь такой на дне...

«Шеф» отшатнулся.

– Ты чё гонишь? Крыша поехала?

Юрий вздохнул.

– Я ж говорю, сны просто задолбали. Всякая хрень в голову лезла. А потом снились похороны твои... Народищу! Весь город перекрыт. Машин столько! И знаешь, кто распорядителем на похоронах твоих был? Дакин Серёга. Тот, что твой чистый коммерческий партнёр.

– Вот это врешь! Не мог Серёга на себя такую ношу взвалить.

– Ну, не знаю. Что видел, то и говорю.

– Слушай, а ты разве с Серёгой Дакиным знаком? Вроде говорил вчера, что в глаза не видел.

– И сейчас скажу. Наяву не видел, а во сне видел.

– И какой он во сне, – язвительным тоном спросил Балю.

– Тебе портрет его описать?

– Ну...

– Ну... Высокий такой. Лицо у него хорошее. Девкам нравится сто пудово.

Полковник прикрыл глаза.

– Рост где-то метр девяносто, крепкого телосложения, вероятно – спортсмен. Голова средняя, череп высокий, затылок вертикальный. Волосы густые, средней длины, волнистые, темно-русые, зачёсаны на право. Лицо прямоугольное, средней полноты. Глаза голубые.

– Хвати-хватит! Убедил!

«Шеф» смотрел на подчинённого с недоверием.

– Но как? Врешь ведь?!

– Не имею привычки! – скривился полковник. – Сам в ахуе!

Это последнее слово почему-то убедило Балю больше, чем все остальные.

– Расскажи поподробнее, – тихо попросил он.

—

1 Евгений Петрович Васин (10 ноября 1951, Борзя – 23 октября 2001, Хабаровск) – российский преступник, криминальный авторитет, вор в законе, лидер организованного преступного сообщества «Общак». Был известен под кличками «Джем» и «Батя».

2 Рамсы – это проблемы, разборки, «тёрки». Рамсить – значит выяснять отношения, ожесточенно спорить, ругаться, драться.

3 Бывшие уголовники.

4 Стрелки – встречи для выяснения правоты по понятиям.

5Авізо – офіційне звіщення про виконання операції або проведення заходів.

Глава 4.

Впоследствии Юрий не раз пожалел, что рассказал «шефу», многое из того, что ему снилось. Тот не поверил в «просветление» подчинённого, а посчитал, что Сергей работает на «конкурентов». И полковника стали пытаться. Причём «шеф», как делал обычно на стрелках, подвёл правильный базис.

– Ты, Серей, не обессудь, но чтобы в дальнейшем доверять тебе, я должен убедиться в том, что всё, что ты говоришь – правда. А как это проверить? Ты сам знаешь, что другого способа, как испытание, человечество пока не придумало. У вас в службе ведь так же действовали. Ты сам говорил, что даже давал подписку с разрешением применять к тебе для дознания методы силового и болевого воздействия. Помнишь?

– Помню.

– Готов?

– Готов.

– Хорошо. С Сан Санычем ты знаком. Да и его технологии допроса тебе известны. Не все правда. Он говорит, что ещё ни разу весь свой арсенал не использовал.

«Шеф» склонился над Сергеем и заглянул ему в глаза.

– Может, передумаешь и сразу сознаешься?

– Ты знаешь, Дмитрич, я сегодня с утра лежу и думаю: «Надо, не надо?». Перебирал все «за» и «против». Про проверку методами Сан Саныча тоже думал и её не боюсь. Ну, и обиды на тебя не буду иметь. Понимаю, что ты вынужден это делать. Ничего личного, да? Но... Дело ведь в том, что о том, что именно семнадцатого августа приедут от Джема, я ниоткуда узнать не мог. Они и сами-то об этом ещё не знают.

– Тут ты не прав, – перебил его Балу. – они Сообщили, что приедут «отдохнуть» в середине августа ещё в первых числах июня. Просили организовать купалку и нырялку. И об этом не все, но знают. А если знают двое, знает и свинья.

Балу хохотнул удачному применению известной фразы из фильма «Семнадцать мгновений весны», сказанной Броневым в образе шефа гестапо Мюллера.

– А знаешь откуда пошла эта поговорка? – спросил Юрий.

Балу вопросительно дёрнул головой.

– Из шекспира. В Ромео и Джульете кормилица спрашивает Ромео: «Надежен ли слуга ваш? Говорят – тогда лишь двое тайну соблюдают, когда один из них её не знает».

– Удивил, – сказал, хмыкнув и качнув головой Балу. – Но я уже даже привыкаю к шириной твоих познаний.

– Нас хорошо и правильно учили.

– Ну, ладно. Ты не договорил, кажется. Есть ещё аргументы в вашу защиту, подследственный?

– Есть чуть-чуть. Середина августа – это пятнадцатое. Поедут они на машинах, а не на поезде, поэтому билеты заранее покупать не будут, а я называю точную дату их приезда. Могу даже назвать по именам всех тех, что приедут.

– Это может быть информация от твоих бывших сослуживцев. Или... Да мало ли от кого?!

– Согласен. Но я преследую одну единственную цель, – убережешь тебя от смерти. Подготовься. Пошли под воду своих людей на подстраховку. А лучше, моего спеца вместо себя. Пусть возьмут живыми. В будущем, убийство тебя осталось не раскрытым, а очень хочется узнать заказчика.

– Тут, как шутят следаки, главное в процессе следствия, – не выйти на самих себя. Ты ведь мог сам устроить покушение? Мог?

– Мог. Но тогда, значит я должен быть в сговоре с кем-то из твоих ближних.

– Не-е-е... В Карбове я уверен, а вот двое других...

– А вот я бы не исключал твоего кассира из списков подозреваемых. Но, тоже думаю, что это не он.

– А кто?

– Скорее всего «комсомольчане». Но это только догадки, ты понимаешь...

– Да ни хрена я не понимаю, Серёжа, – взвился «шеф». – Ты тут такую пургу метёшь, что шуба заворачивается! Ты бы слышал себя со стороны: «В будущем, убийство тебя осталось не раскрытым...». Охренеть! И ты так спокойно об этом говоришь?

– Я уже свыкся. На то, что покушение на тебя готовят в комсомольске, говорит то, что в сентябре будет покушение на Макара Стреляного. У него в «Леоне». Стрелявшего поймают через два месяца.

– Что?! Вот, блять!

Балу подошёл к окну и включил вентилятор. Он немного постоял под струёй тёплого воздуха и не удовлетворившись, взял пульт от кондиционера, лежащий на прикроватной тумбочке, и включил.

– Чем ещё порадуешь? – проскрипел зубами «шеф».

– К сожалению, из событий, которые произойдут в ближайшее время и к которым меня нельзя «присоседить» знаю не много. Это ведь в основном новостные сводки...

Полковник помолчал, прислушиваясь к мыслям.

– Первого августа банкира, председателя президиума объединения «Круглый стол бизнеса России», отравят сильнодействующим нервно-паралитическим веществом. На мембрану телефонной трубки нанесли. А второго августа и его секретарша кони двинет.

– Что за банкир?

– Грузин какой-то... Кивелиди. Умрёт четвёртого августа.

– Кивелиди – серьёзная фигура! Что ещё?

– Ты, Дмитрич, прослушку точно отключил?

– Отключил-отключил. Продолжай.

Ещё до начала пересказа своего сна полковник попросил отключить прослушку палаты. Балу удивился, но своим телохранителям приказал отключить и находиться там же, чтобы не включили. Оказывается он и вчера так делал.

– Тринадцатого августа в Свердловске Россель выборы выиграет, во втором туре.

– Твои бы способности, да год назад. Можно было бы «приподняться» на «чёрном вторнике».

– В девяносто восьмом поднимется. Дефолт будет.

– Сука! И слова-то какие знает! – схватился за голову Балу. – И что будет в девяносто восьмом?

– Во-первых, уберут три нуля на деньгах. Во-вторых отпустят курс доллара. За год с шести рублей поднимется до двадцати.

– Погоди-погоди... Не торопись. Что там про дефолт?

– В ГКО вкладывается?

Балу скривился, но не ответил.

– Да, ладно, колись! Все вкладываются... Так вот, дефолт в девяносто восьмом объявят именно по ГКО. Но чему тут удивляться, это ведь обычная пирамида, как Эм Эм Эм, или Манчжурия с Властелиной, только государственная. И там и там одни игроки. Во Властелине первыми тоже были люди из правительства, Чубайс, например. Он и ГКО покупает. Только свои деньги инициаторы из обычных пирамид уже давно вывели. Попали обычные граждане. Так и с ГКО. Государство собирает шальные деньги. Сейчас, когда Ельцин баллотируется на второй срок, минфин, с его подачи, повысил доходность облигаций и разрешил их покупку

иностранцам. В первые месяцы девяносто шестого доходность долговых бумаг поднимется до ста процентов, а за месяц до выборов возрастет до двухсот пятидесяти. Так что покупать облигации надо сейчас и много, причём всех номиналов: двенадцати, шести и трёх месячные. А потом всё. В октябре девяносто седьмого в Юго-Восточной Азии разгорится экономический кризис. Цена на нефть в девяносто восьмом упадёт до девяти долларов за баррель, долгов по обязательствам четыреста сорок миллиардов рублей, а доллар шесть рублей. Вот и отпустили. Отпустят.

Сергей во время «экскурса в будущее» закрыл глаза, но вроде даже и не вспоминал, а читал. Слова из него лились ровно и не эмоционально. Балу смотрел на подчинённого с ужасом и понимал, что такое чудовищное коварство на государственном уровне выдумать сложно. На это способны единицы у которых не голова, а ГОЛОВА, а никак не лежащий перед ним с пробитым сердцем и лёгкими бывший спецназовец ГРУ. Не только выдумать такую каверзу сложно, но и представить, что само государство намеренно кинет миллионы трудящихся, заработавших, как он, например, свои деньги потом и кровью. И своей кровью, между прочим.

В кармане «шефа», что-то щёлкнуло.

– Диктофон? – спросил полковник. – Правильно. Переворачивай плёнку.

– Там реверс есть, – «успокоил» Балу.

Полковник хмыкнул.

– Тогда продолжим.

* * *

Полковника пытали больно, но не долго.

Сан Саныч знал незнакомые полковнику болевые точки и Юрий пополнил свой арсенал физического допросного воздействия. Психологически на него пытался воздействовать не известный ни Сергею, ни Юрию гражданин, который после трёх сеансов пропал и больше не появлялся.

А вот Сан Саныч испытывал Юркино терпение целых пять дней и эти дни для полковника слились в сплошной сгусток боли. Более мучительным было даже не сама боль, а её ожидание. Измученные электротоком нервы дёргались после окончания экзекуций по несколько часов.

Честно говоря, Сергей был выносливее Юрия, и это помогло «обоим». Ни тот ни другой не хотели «упасть в грязь лицом» друг перед другом, и когда отключался от боли первый, терпеть начинал второй.

После обеда пятого дня допросов не было, а вечером «шеф» пришёл не один. Увидев второго вошедшего полковник даже не удивился.

После обоюдных приветствий, гости по-хозяйски расселись на стульях.

– Тебя больше не будут мучить, Сергей. Нет смысла ломать нужного человека. Вскоре всё проявится. Ты, действительно, озвучил события, на которые ни ты, ни твои друзья повлиять не могут. Мы тут посоветовались, – он повернул голову и посмотрел на губернатора, – и решили поверить тебе, немного подождать и попытаться разобраться в твоих... Э-э-э... Предсказаниях.

Сергей хотел парировать словами, что де, мол, это не предсказания, а потом подумал: «А что же это, как не предсказания? Предсказания и есть!», и пожал левым плечом. Правое было загипсовано. Его реакция была собеседниками замечена и по лицу губернатора скользнула улыбка. Теперь он посмотрел на Балу и, поняв, что тот вводную часть закончил, повернулся к Сергею.

– Ты рассказал много интересного и, скажу откровенно, полезного. Уже за это наша тебе благодарность выразится не в устной форме, а в материальной. Это только благодарность. Попутно тебе, Сергей Григорьевич, будет выплачена компенсация за моральный и физический вред, вынуждено нанесённый тебе нашими... э-э-э... специалистами. Да. Полагаю, компенсация будет соразмерной. Будет мало, добавим.

Он улыбнулся.

– Полагаю, мне хватит, – успокоил полковник. – Лучшее – враг хорошего.

– Разумно, – согласился губернатор. – Сергей Дмитриевич рекомендовал тебя ещё до проявления твоих экстрасенсорных способностей, как разумного и выдержанного бойца. Ты, кстати, не передумал заниматься... э-э-э... маркетингом?

– Полагаю, у меня нет выбора.

– Выбор есть всегда. Хуже ли, лучше ли, но есть всегда. Так да, или нет? Нам нужна уверенность, что ты с нами. Тем более с такими качествами.

– Да. Я согласен заниматься маркетингом.

– Если от них... Вернее, от него... Будут поступать финансовая аналитика, то службу можно назвать «Отдел финансового мониторинга и маркетинговых исследований». И тогда его можно разместить в банке. Что думаешь по этому?

– А что тут думать? Он ещё вчера наговорил на такой результат, что если всё случится, мы поднимем...

– Не надо цифр, Сергей Дмитриевич. Мы тоже посчитали. Да с нашими Африканскими деньгами, вложенными в Российские государственные облигации... А могли бы сгинуть в дефолте.

Полковника прошиб пот. А вдруг все его предсказания, это – бред сумасшедшего? Навязчивые идеи? Они сейчас вложатся, а сверхдоходов не будет, курс доллара не подскочит. Оно-то понятно, что не будет и краха, но ведь главное, что не будет ожидаемых доходов. Они, наверняка, подтянут все деньги, до которых смогут дотянуться. Кредиты возьмут у людей. А «люди» потом спросят.

Испарина выступила у Сергея на лице.

– Смотри-ка, проникся чувством ответственности, – улыбнувшись, сказал губернатор. – Ну, ты не бойся. Мы тебя не больно зарежем. Шутка.

– Шутка, – повторил полковник, вытирая пот импортной медицинской салфеткой.

– Хорошо держится, – кивнул головой губернатор на вопросительный взгляд Балю. – У меня вопросов, в принципе нет. Если вспомнишь, Сергей Григорьевич, актуальные события, вызывай Сергея Дмитриевича. А так... Смотрю, уже начал писать?

– Пока записал всё то, что говорил вчера. До хрена получилось. Рука бойца колоть устала. Левой давно не писал. Компьютер бы с принтером.

– Обладаешь? – удивился губернатор. – А я всё никак.

Они с Балю переглянулись.

– Думали мы об этом, Сергей, но лучше, если ты пока будешь писать. Компьютеры – вещь удобная, но говорят, что с каждого системного блока информация уходит через спутники к американцам. А будущее это такой товар... Ведь если у нас ни с того ни с сего возникнет аналитическая служба, которая заткнёт за пояс государственные структуры, и в том числе иностранные, нас возьмут в такой оборот, что «мама не горюй». Если всё окажется правдой, тебя придется прятать.

– В золотую клетку? Как османских принцев?

– Он и это знает, – развёл руками Балю.

– Уж это-то я обязан был знать, – даже обиделся полковник. – Мы специализировались по арабско-турецкой теме.

– Ну, ладно-ладно! Не злись!

– Есть другое предложение, – недовольно дёрнул шеей полковник. Ему не улыбалось сидеть взаперти.

– Какое?

– Переключить внимание на какого-нибудь настоящего хорошего аналитика. Взять его на службу и хвалить на всех углах. А мне всё же лучше остаться «безопасником». Туда и эконо-

мику, и финансы, и маркетинговые исследования можно привязать, финансовый мониторинг. Но увольте от руководства нашим... э-э-э... силовым блоком.

– Не считаешь надёжными? – спросил губернатор, прищурившись от милой улыбки. Он вообще был улыбчив.

– У них своя жизнь, свои цели и задачи, свои командиры. Если начну ими командовать, будет конфликт интересов.

– А какие у них интересы? – губернатор откинулся на спинку стула и, закинув ногу на ногу, в очередной раз осмотрел помещение. – А тут курят?

– Я не курю, но не от того, что не хочу, а врач запрещает. А вы курите, если хотите.

Губернатор облегчённо вздохнул, вынул сигареты с зажигалкой и пододвинул мусорную корзину.

– Так, какие у них интересы? – повторил он вопрос, глубоко затянувшись и выдыхая дым.

– Как и у всех. Нахапать ништяков. Их не устраивают те крохи, которыми их кормит Дмитрич. Они хотят долю в бизнесе и за это могут убить. За это и убивают.

– А ты?

– И я. Что я, другой, что ли? От простого к сложному, от малого к большому. Любой человек так. Редко кто скажет: «Всё! Мне хватит! Спасибо, больше не надо». Это же не тарелка борща или макароны по-флотски. Деньгами не насытишься.

Губернатор рассмеялся и покачал головой.

– А ведь он прав, Сергей Дмитриевич. Мы с тобой никогда не философствовали на эту тему, а вот он в одной фразе выразил наш принцип. Помнишь, я говорил: «Если сказали брать суверенитета сколько сможете, то кто сказал, что это не касается нас? Если приватизируют промышленность, то почему не мы?».

– Это вы про какой суверенитет говорите, господин губернатор? – насторожился полковник.

– Про экономический. Если государство в наглую наёбывает трудящихся, то почему трудящимся не набать государство. Мы с тобой, Сергей Дмитриевич, помнишь были в Тайланде?

– Помню.

– Как обезьян угощали финиками помнишь?

Балу засмеялся.

– Ещё бы!

– Так, вот, рассказываю, – повернулся губернатор к лежащему собеседнику. – Купили мы ящик фиников расфасованных в пакеты и принесли обезьянам. Поставили, раскрыли. Обезьяны бояться. В джунглях дело было. Потом одна, вторая, третья стали подходить и по одному, два пакета брать. Другие повалили. Стали хватать по несколько пакетов. Все кинулись, толкаются, дерутся. А финики и кончились. Стоят у пустого ящика обезьяны и озираются на своих товарищей, лопающих финики.

– Но мы ж не обезьяны, – неуверенно сказал полковник.

– Обезьяны, Сергей Георгиевич. Обычные обезьяны. Не тешь себя иллюзиями. Кто успел, тот и съел. А мы ещё и с друзьями поделимся, и народу рабочие места сохраним, точно Сергей Дмитриевич?

– Точно.

– Вот то-то и оно. Наша рудная компания была эталоном организованности, а работали в ней восемьдесят процентов бывшие зеки. Штатовцы приезжали опыт перенимать. А в Африке, что мы сделали? Конфетку! Негритосы благотворят Клигера. Он им там такую инфраструктуру построил: больницу, школу, ясли. Ах, да! Водоочиститель! Французы и германцы трясутся, как нас ненавидят, потому, что мы разрушаем мнение о белых, как о господах. Так это для негров! А мы тут хотим сохранить то, что осталось. Востокрыбхолодфлот уже разграбили. Суда-рефри-

жераторы продали иностранцам по доллару за штуку. Это нормально? Хорошо хоть Владивостокская база тралового флота нормально работает, другие компании-добытчики.

– Закроются они к 1998 году, – грустно сказал полковник.

– Продадут большинство пароходов за кордон.

Губернатор достал ещё одну сигарету и прикурил от недокуренной первой. Тлеющий окурочек он какое-то время задумчиво поворачивал пальцами, вроде, как разминая фильтр, а потом ловко метнул его в пустое эмалированное «судно», стоящее на маленькой табуреточке у Серёгиной кровати.

Кровать по просьбе пациента уже давно развернули другим боком к стене, чтобы ему было удобно пользоваться рабочей левой рукой. Вот Сергей и пользовался. Он взял с тумбочки стакан с недопитым чаем и вылил в «судно». В «судне» пшикнуло, и струйка дыма, исходящая из него, иссякла.

Губернатор внимательно смотрел на действия полковника, вроде как шурясь от попавшего в глаз дыма новой сигареты.

– Сука! Как символично! – сказал он, убирая из уголка глаза слезу. – Если так и будет, как он сказал, то мы такие суда просрём? Их ведь порежут и индусы понаделают нам из них вот таких сральников, как это «судно», блять.

– С Никитой у вас ведь всё договорено? Контора, вроде, работает нормально. Квоты на минтай осваивает, доход хороший.

Они оба: Балу и губернатор сначала переглянулись, а потом с надеждой воззрились на собеседника.

Того разговор уже стал утомлять. Роль оракула Юрия раздражала. Вероятно, перемена настроения полковника не осталась незамеченной губернатором и тот, усмехнувшись, сказал:

– Накинулись мы на него, Сергей Дмитриевич, а человек весь израненный, ему покой нужен.

– «Хрена себе, покой!», – подумал полковник. – «Ещё утром мучили, а теперь про покой вспомнили».

– Да и утренние процедуры его утомили, наверное.

– «И он ещё сомневается!» -

– Бледный какой. Может врача позвать?

– Сейчас уйдём и осмострят. У меня вопрос есть.

Губернатор с интересом посмотрел на бизнеспартнёра.

– У тебя эти... Память или видения о будущем как приходят?

– Да, вроде, как во сне всё мелькает, а утром я вспоминаю и разбираю, что снилось.

– То есть сам вспомнить или увидеть будущее не можешь?

– Не-а, – соврал полковник. – Похоже, что первичны картинки, касающиеся меня и тех, что рядом. Про тебя, например.

– А про меня, снилось что-нибудь?

– Пока нет, – снова соврал «оракул».

– Выборы у меня в этом году. Сомневаюсь... Заносить или не заносить бабло. Столько просят! И ведь всё шатко так. Задай вопрос.

– Кому? – опешил Сергей.

Губернатор вставая рассмеялся.

– Кому-кому? Ему! – он ткнул пальцем в небо. – Ладно, мы пошли.

Он подошёл в постели больного и аккуратно опустил окурочек в «судно». Потом обтёр пальцы чистейшим новым платком и протянул левую ладонь Сергею.

– Выздоровливай. Будет тебе хорошая доля в нашем бизнесе. Хочешь – акциями, хочешь – внутренний счёт откроем. Все деньги самому хранить тяжело. Потому и банк открываем.

Там и депозитарий будет. А пока... Есть у нас одно хранилище... Будешь забирать по мере необходимости. Да, кстати... Премию и компенсацию сейчас как тебе выдать? Я почему спрашиваю? Это инициатива с проверкой было моя, потому и раскошеливаюсь я, а не твой... Э-э-э... Шеф...

– А налом можно?

– Можно. Почему нет? Тебе сегодня доставить чемодан?

– Баксов?

Губернатор рассмеялся.

– Рублей, Серёжа, рублей. Баксы нам самим нужны.

– Миллион там наберётся?

– Чуть побольше, – хмыкнул губернатор.

– В ГКО вложу, а потом баксы куплю. Перед дефолтом.

Губернатор обернулся к Балу.

– Вот теперь я ему верю, – сказал он и рассмеялся.

Глава 5.

С полковником творилось что-то неладное. Как только он закрывал глаза в голове, словно он был сильно пьяным, начинал вращаться вертолёт. Вертолёт перемешивал мысли и образы. Время от времени вращение останавливалось и осколки мыслеформ «осыпались». Из них создавалась картинка с текстом, например, газетным, или целый изобразительный ряд, подкреплённый звуковым сопровождением. Причём, изобразительные ряды были настолько динамичными и комплексными, словно это были короткометражные кинофильмы, снятые хорошими режиссёрами и операторами. Они имели огромную информационную ёмкость и хорошую запоминаемость.

Так, например, оказалось, что Сергей в будущем изучил корейский и китайские языки. Полковник, чтобы отвлечься от событий будущего, которые перегружали его мозг, обратил внимание на мелькающие периодически изображения документов с иероглифами.

Разбирая один из многих, полковник вдруг понял, что понимает общий смысл текста. При дальнейшей концентрации мысли, пред ним возник изобразительно звуковой киноряд, обучающий корейскому языку. Юрий возвращался к нему периодически, когда хотел, чтобы никакие другие мысли и образы в голову не лезли.

Через месяц он свободно мог читать, писать и говорить по-корейски и по-китайски. Тогда же через месяц его выписали, предупредив о выписке заранее.

Сергея ночью вывезли из санатория «Амурский залив» и уже через тридцать минут он открывал ключом дверь своей холостяцкой однокомнатной квартиры на улице Некрасова.

Жил Сергей Субботин небогато, несмотря на статус члена известной и уважаемой в определённых кругах группировки. Почти все деньги он отсылал своей бывшей жене на воспитание дочери, так как та в своём Подмоскovie работу найти не могла, а ездить на работу в столицу, тратя по три часа в один конец, было утомительно и для жены и для девятилетнего ребёнка.

Юрий на квартире у Сергея был. Они вместе выбирали её в девяносто втором году, поэтому легко нашёл кухню и холодильник. Поставив на плиту кастрюлю с водой, он включил конфорку на максимум. Налил воду в чайник и включил. Нашёл в стенном шкафу заварку, сахар и кружку с эмблемой ГРУ.

– «Это нам дарили на каком-то сборище», – подумал Юрий.

Он всё делал автоматически, словно у себя дома. Но это был не его дом. В его доме были жена и двое маленьких дочерей погодок. Юрий женился поздно. Сначала Афганистан, потом работа на правительство. И только после развала Союза и переходе на работу в милицию он ощутил покой и женился. Однако покой был временным. Началась первая чеченская война.

Но жена ему попала стойкая. Как оказалось, она влюбилась в него ещё когда они учились в школе, а он об этом не знал. Жили они в детстве в одном доме вот и встретились в девяносто первом. Встретились и поженились. Юрий был младшим ребенком в семье. Два старших брата жили в Москве, поэтому квартира родителей, по умолчанию, досталась Юрию. В ней сейчас и жили его жена и дочери. А он теперь жил в этой квартире и в чужом теле.

Юрий заметил, что стоит у стола с ножом и перед ним на кухонной доске лежит кусок масла.

– «И на хрена? – подумал он. – Хлеба то нет».

Он открыл морозилку. Холодильник был громадный, трёхкамерный, японский, на сто десять вольт и подключался через трансформатор. В морозилке кроме какой-то кости с остатками мяса и пельменей, лежала замороженная булка хлеба.

– «Наша привычка», – подумал Юрий, вынимая полиэтиленовый пакет с хлебом. – «Жаль, микроволновки нет».

Что такое микроволновка Юрий даже не стал обдумывать. За последний месяц у него в голове столько раз всплывали воспоминания о приборах из будущего, что он уже с ними свыкся и перестал сильно сожалеть, что приборов ещё нет.

Вода в кастрюле уже была тёплой и он завязав полиэтилен, опустил хлеб в воду. Пока закипит вода, хлеб немного разморозится и с него можно будет срезать корочку. На бутерброды с маслом хватит. А пока... Юрий прошёл в зал и присел на диван. Раны ещё болели, правая рука находилась в гипсе.

Перед диваном стояла чёрная корейская тумба под телевизор со стеклянными дверками. На полках внутри стояли: видик, дек с усилителем и кассеты, на тумбе, большой японский телевизор «Шарп», пульт от которого валялся на диване. По обе стороны от тумбы располагались два шкафа: один для верхней одежды, другой для белья.

– «Одному достаточно», – подумал Юрий.

За месяц о уже переболел и перестрадал по поводу своей семьи и сейчас только вздохнул, а поначалу «кушать не мог». Да ещё голова лопалась от разнородной информации. Особо мучили совместные с Сергеем воспоминания, которые, как оказалось, оценивались двумя людьми по-разному.

Например, их разлад каждый воспринимал, как предательство другого. И Юрию пришлось потрудиться, чтобы преодолеть конфликт интересов у него, у Юрия, потому, что личности Сергея не существовало. Осталась только память. Память о будущем тоже была памятью Сергея и, естественно, была без его семьи.

Вернее, какие-то эпизоды в памяти проскальзывали, но только до определённого времени, где-то года до две тысячи десятого. Видимо Сергей помогал Юркиным детям, но потом Галина с девочками из его памяти исчезала. Как не рылся Юрий в будущих событиях, но своего семейства в мыслях Сергея не нашёл.

Порадовало одно, то, что жена второй раз замуж не вышла. И это успокаивало Юркину душу, но не радовало. Жили его девочки тяжело. Особенно в девяностые.

Юрий положил кейс на колени и раскрыл. Это был не чемодан, конечно, а кейс, но большой. В нём лежало двадцать две тысячи купюр номиналом по одной тысяче рублей. То есть всего двадцать два миллиона рублей.

Килограмм картофеля стоил около двух тысяч, килограмм крупы – пять тысяч, мясо – пятнадцать тысяч, рыба – десять-двенадцать. А зарплата полковника Мамаева вместе с надбавками составляла пятьдесят две тысячи.

Оставив две упаковки, он поднялся и вместе с чемоданчиком пошёл на кухню. Там он нажал и выдвинул одну угловую пластину кафеля в сторону коридора и нажал на другую плитку. Угол кухни, ранее представлявший собой вентиляционную шахту, отошёл в сторону и открылся сейф, где у Сергея хранилась зарегистрированная «сйга» и боеприпасы к ней, лежащие на полочках.

Полочек равномерно распределённых до самого потолка хватило, чтобы уложить оставшиеся деньги. Не собирался он эти деньги вкладывать в ГКО. Кто его знает, что теперь будет, после того, как он рассказал о дефолте. Поговорка про свинью рулит в этом мире, и дефолт может грянуть гораздо раньше. Ведь поделятся же «бизнес-партнёры» со своими друзьями, а те со своими. И пошло-поехало.

Полковник на прощание попросил никому не говорить про дефолт и успел сказать губернатору поговорку про знающую секреты свинью. А тот лишь усмехнулся и спросил, типа, «это кого ты сейчас свиньёй назвал?». Потом рассмеялся и, почему-то, похлопал Балу по плечу.

Полковник ещё успел сказать про равновесие, пока никто не вмешается, а потом, дескать, «хрен знает, что будет...»

– Не отмазывайся. Мы рассчитываем на тебя, Саид, – сказал губернатор и гости ушли.

Сергей уже закрытой двери сказал:

– Я – не Саид. Я – Абдула.

Закрыв сейф и засунув пачки в джинсы, полковник достал из закипевшей кастрюли пакет с хлебом, из морозилки пакет мороженых пельменей и засыпал их в кипяток.

Потом он налил в заварник кипятку и сыпанул туда же заварки, нарезал хлеб и наделал громадных бутербродов с маслом. Отцедив через ситечко слабо заваренного напитка, добавил в кружку сахар и пошёл в зал. Чай он мог пить до еды, во время еды и после еды.

* * *

Рано утром прозвенел телефонный звонок. На настенных часах, висевших над телевизором, стрелки показывали ровно шесть ноль-ноль – его стандартное время для побудки.

– Абдула? – спросила трубка голосом Серёгина водителя.

– Сам ты – Ченгиз!

– Извините, я ошибся номером.

Это означало, что Сергей готов, а машина приедет через час. Если бы Сергей ответил: «Слушаю», значит стоило перезвонить через час, а если: «Вы охренели в такую рань звонить?!» – сам перезвонит, но машина должна быть на «товсь». Если же ответ: «Вы не туда попали», значит никто никуда сегодня не едет.

Сегодня Юрию надо было заехать на Острякова к «своим» и хотя бы одним глазком их увидеть. Он мечтал об этом больше месяца.

Когда Юрий делал зарядку, умывался, одевался, его слегка поколачивало. В дверь условно стукнули. Полковник глянул в специально устроенный в бетонной стене глазок. У двери стоял свой боец. Возле заранее вызванного и удерживаемого лифта стоял ещё один боец. На первом этаже встречали ещё двое на выходе. У подъезда двенадцатиэтажного дома на улице стоял один.

Там же стоял «Мицубиси Паджеро» девяностого года выпуска. Левее и правее стояли его близнецы. Машины сдвинулись. Левая подъехала ближе к средней, правая сдала назад. Вышедшая из подъезда группа людей, одетых в одинаковые джинсы и куртки с капюшонами, надвинутыми на глаза, расселись по машинам.

Ещё в квартире Сергей написал на трёх бумажках адрес и раздал старшим групп. Машины нырнули по Партизанскому проспекту и полковник умом Субботина старшего отметил, что развязки на пересечении проспекта с улицей Гоголя ещё нет. А ночью, как-то не обратил внимание. Наверное, потому, что почти не горели фонари.

Они быстро проехали кольцо «Инструментального завода» выехали на проспект Острякова. Тут в пятиэтажном доме жила семья Юрия. Машины свернули во двор и почти сразу он увидел знакомый микроавтобус, на котором перемещалась его дежурная группа. То есть, дежурная группа СОБРа.

– Собр, командир. Туда нельзя, – сказал Юра Мартковский.

– Вижу, Марат. Не слепой. Надеюсь все стволы официальные? – спросил полковник.

– Обижаешь, командир.

– Я спрашиваю, ты отвечаешь.

– Все.

– Иду один, – сказал Юрий и вылез из машины.

– Сейчас всех нас положат лицом в грязь.

– Отъедь за угол.

Полковник шёл к такой родной «Мазде Бонго» медленно и с некоторой опаской. Не доходя метров трёх полковник остановился. Его правая загипсованная рука торчала из прорезанной по правому боковому шву дыры в джинсовой рубашке. Рукав завернут вовнутрь.

Как только он остановился левая боковая дверь раскрылась из автобуса высыпала дежурная группа СОБРа.

– Стоять! На колени! Руки за голову! – крикнул самым первым выбравшийся Лёшик.

– Стою. На коленях. Правая рука в гипсе.

– О! Да это Абдула! – сказал, вылезший третьим из автобуса его бывший заместитель Максим Коротеев.

– «Он, то, что тут делает?», – удивился полковник. – «Дежурит, что ли?».

– Заждались мы тебя, красавчик, – сказал он и ударил Сергея ногой.

Если бы не короткий, но вовремя сделанный уклон назад, то полковник бы получил перелом рёбер или ещё того хуже – остановку сердца. Удар был направлен точно в грудь, а от такого удара умирают. Полковник завалился, якобы от удара, на спину. И заорал:

– Убивают!

– Ты чё, сука, орёшь? – зашипел Коротеев. – В машину его, быстро!

Двое бойцов подхватили его под руки и поволокли к машине. В глазах у полковника потемнело и он снова заорал:

– Рука, блять, сломана, черти! Максим, блять, что творишь!

– Я тебе дам сейчас Максима. Только в автобус затащим.

Полковник оттолкнулся обеими ногами от земли и кувыркнулся. Перед выпиской Юрий попросил, чтобы гипса не жалели и забинтовали бы его побольше. Так Верочка и сделала. Поэтому сейчас кувырок вперёд получился очень хорошо. Его левая рука была вывернута за спину, а левую сторону боец зафиксировать не успел, ибо не нашёл за что её обхватить. Через правое плечо Юрий и крутанулся.

Крутанулся, снова заорал и распластался на тротуаре ближе к подъезду. Из которого наконец-то вышла его жена и обе дочери. У полковника почему-то вдруг хлынули слёзы.

– Что здесь происходит, – испуганно вскрикнула женщина, кинувшись обратно в подъезд.

– Галя! – крикнул полковник. – Это я, Субботин Сергей.

Женщина оглянулась, закрывая спиной девочек.

– Серёжа?! – удивилась она. – Субботин?! Ты вернулся?!

Юрка вспомнил, что уже вот, как четыре года говорит жене, что Субботин мотается по горячим точкам. Несколько раз они встречали его, но у Юрия всегда «не было времени» задержаться и дать им поговорить.

– Да, я пришёл... Соболезную!

Бойцы снова схватили Сергея и попытались поднять его за плечи, но он так выпрямил и напряг тело, что оно выпрямилось, как бревно.

– Что вы делаете, мальчики?! Максим! – крикнула. – Сейчас же отпустите!

Галина топнула ногой, обе девочки одновременно заплакали.

Бойцы бросили его и полковник прилично приложился об асфальт правой стороной лица. Полковник перевернулся на спину и махом правой ноги заставил тело принять вертикальное положение.

– Ой, у тебя кровь! Пошли в дом!

– Да, я не на долго! Не надо! – попытался отказаться Юрий.

Он боялся, что в квартире он разревётся и начнёт говорить правду, чем напугает Галину.

– Пошли! – приказала «жена». – А на вас, Максим, я пожалуюсь вашему начальству. И не надо меня больше охранять. Не нужны мы никому!

Глава 6.

Они с Галиной сидели на маленькой кухоньке и пили чай со свежей малиной тёртой с сахаром. Сергей всё больше молчал, то и дело сглатывая комочек из слов и рыданий. Галина, поначалу охала и ахала, обрабатывая его лицо и голову, а потом села напротив него, положила руки на кухонный стол, накрытый клеёнкой в клеточку, и, упав на руки лицом, разрыдалась.

Так она плакала, когда Юрий уходил на первую чеченскую, так плакала, когда он возвращался из командировок. Она всегда плакала сама с собой. Не на публику, не для того, чтобы кого-то разжалобить, а просто плакала, сбрасывая постоянно удерживаемое напряжение.

Обычно Юрий подходил к ней близко-близко, обнимал и гладил по волосам. Тогда она затихала быстро. Сейчас он нашёл в себе силы встать, подойти к ней и положить ладонь на голову. Галина слегка притихла, но когда он, машинально стал пальцами перебирать её волосы, она сначала напряглась всем телом, а потом, дёрнув головой, сняла с себя его руку.

– Не надо Серёжа. Мы с тобой уже давно обо всём договорились.

– «Оппа!» – удивился полковник. – «И о чём это они договорились?!»

Тут же всплыла нужная страничка памяти бывшего хозяина тела. Простой весёлый треп, шутивная пикировка, перешедшая в прямое требование, шутивное правда, руки и сердца. На которое Сергей получил отказ. Дело было ещё до женитьбы Юрия на Галине. В первые месяцы их встречи. Тогда Сергей, утомлённый выяснениями отношений с женой приехал во Владивосток, и был готов отдаться «первой встречной». Первой встречной, по его мнению, оказалась Галина.

Сергей тогда получил разрешение у Юрия, который ещё не рассматривал Галину, как жену, попытался поухаживать за ней, но не получилось. Галина сразу расставила все точки над всеми буквами и в весьма жёсткой форме, ибо раньше занималась гандболом. Галя была девушкой очень сбитой и очень сильной. Она просто оттолкнула Серёгино лицо ладонью, лишь едва шлёпнув. С синей пятернёй на лице Сергей тогда ходил долго. Они ж, гандболистки, привыкли хватать мячик пальцами, вот девушка и схватила Сергея за лицо, одновременно хлопнув.

Уже потом, перед самой свадьбой Галины с Юрием они говорили уже серьёзно, и девушка снова отказалась уехать с Сергеем. А Юрий понял, что Серёга остался здесь только из-за неё. Из-за неё и рассорился с другом. И что не очень-то он бандитствовал, а больше создавал имидж грозного бандита. Сергей, как оказалось, специализировался по тайным акциям устрашения. На обычные разборки он ездил редко и разруливал рамсы так грамотно, что даже уголовникам, с их законами и понятиям, придраться было не к чему.

Пролистав память друга, Юрий понял, что и в ситуации с ухаживанием за Галиной упрекнуть его было не в чем. Всё было до того, а потом он сделал всё, чтобы не попадаться её на глаза.

– Я помню, – сказал Сергей глухо, – и пришел не за этим. Иваныч денег мне давал на квартиру. Ну, ты помнишь, наверное?

– Не помню, – сказала Галина напрягая лоб. – Что-то мелькало, но ведь вы своими секретами не делитесь.

– Ну, да, привычка. От долга осталось десять тысяч зелёных. Я тебе их частями буду отдавать, ладно? Вот...

Юрий вынул пачку тысячных и протянул Галине. Та взяла и почему-то понюхала.

– Хорошо пахнут, – сказала она.

– «Хрен его знает, чем они пахнут», – подумал полковник.

Он вдруг захотел отдать и вторую упаковку денег, но сначала спросил:

– Долги в семье есть?

Галина встрепенула руками.

– Да, как не быть? За квартиру и электричество уже за три месяца набежало.

– Хорошо!

– Что ж хорошего?

– Я о том, что зайду вечером. Ещё принесу.

Галина подняла на него настороженный взгляд.

– Ни слова, ни намёка о чём-то постороннем. Просто... Тяжело тебе сейчас квартиру содержать будет, а деньги у меня есть.

– Мне и так не легко было. Юрки-то дома почитай и не было. То командировки, то служба.

Полковник покраснел. Квартиру родителей со своей службой он запустил и всё хозяйство, действительно, лежало на сильных плечах Галины.

– Я тут пристроился в одну фирму... При губернаторе... С командировками завязал...

– Со службы уволился?

Сергей скривился.

– Уволился... Короче... Фирма строительством занимается. Я тебе пришлю спеца. Обговорите с ним, что, да как. О деньгах с ним даже не заговаривай. У меня половинная скидка, как для сотрудника. Я из своего долга вычту.

– А... Долг большой? Может на что другое деньги оставить?

– Большой, – в первый раз позволил себе усмехнуться полковник. – Я же сказал: «Десять тысяч баксов».

– Извини, не расслышала. Это сколько в рублях?

– Умножь на четыре тыщи пятьсот.

– Это что, сорок пять миллионов? – удивилась Галина. – Это тысяча Юркиных зарплат. Она вдруг облегчённо вздохнула и тоже в первый раз за встречу убыгнулась.

– Спасибо тебе, Серёжа.

– «Ага! Спасибо тебе, блять, друг Серёжа, что замочил меня в подворотне», – саркастически мысленно поблагодарил друга полковник.

А если подумать, то получается, что выстрел друга изменил его жизнь в положительную сторону. По крайней мере для его семьи. Может и для Страны какая-то польза будет? Хотя... Какая, нахрен страна, если во главе сидят жулики? Может, конечно и есть там кто-нибудь, кто за страну радуется, но пока, что-то не видно. Государственные интересы пока остаются в стороне от личных. Накопление первоначального капитала, блять.

– О чём задумался? Нам бы всё-таки в садик попасть надо. На работу уже опоздала, но это не страшно. Объясню. Хотя хозяйка уже месяц, как на меня смотрит косо. Как Юру...

Юркина Галина работала продавцом, как и тысячи других мужчин и женщин, сокращённых с госпредприятий.

– Я поговорю с ней, – сказал Сергей.

– Нет-нет. Я сама решу.

– Слушай, Галя. Ты же вроде экономист? – спросил Сергей.

– Была. Да. И бухгалтер. Технологический у меня. Вышка. Красный диплом.

– Ну! Пойдёшь ко мне в отдел маркетинга? Ты не подумай ничего...

Галина махнула рукой.

– Ой, да хватит тебе! А вот, и пойду! На какую должность?

– Отдел новый, вот и возглавишь его.

– В смысле?! Начальником, что ли?! Да, ну, нафиг...

– Не потянешь? Ты же вела экономическую службу в ВБТРФ, кажется? А сейчас будешь заниматься почти тем же самым и почти в такой же фирме, только работы будет поменьше.

– Что за фирма?

– Ролерс.

– Не возьмут, – она с сожалением скривилась. – Я туда пыталась устроиться, сразу, как Никитенко меня сократил.

– Раньше бы не взяли, а сейчас возьмут.

– А ты там кто?

– Вообще-то начальник службы безопасности, но подо мной будут и аналитическо-финансовая служба и отдел маркетинга. Сегодня утвердим структуру, а вечером приду, обсудим.

Галина не стала дальше раздумывать, так как была очень решительной и уверенной в собственных силах женщиной.

– Договорились. Вечером обсудим.

– Я позвоню. Если вдруг не получится зайти, перезвоню.

Из подъезда они вышли вместе. Микроавтобус ещё стоял, но Галина прошла мимо, принципиально не глядя на сидевших в салоне бойцов. Она одной рукой взяла Сергея под руку, а другой младшую дочь. Сергей вёл за руку старшую Оленьку и ему было очень хорошо.

Из автобуса вылез Максим. Не давая ему опомниться, Сергей сказал?

– Теперь Галина Работает в «Ролерсе» и мы берём семью Мамаева под охрану. Наша охранная организация. Будем возить и привозить. Не переживайте, волос не упадёт.

– Пусть только попробует упасть, порвём, как тузик грелку.

– В этом я не сомневаюсь.

Полковник встретился глазами со своим бывшим замом и у того что-то дрогнуло в лице. Глаза прищурились, потом вздёрнулась бровь, снова прищур.

– Ты какой-то другой стал, Абдула, – наконец сказал он.

– Старею, наверное. Или переоценка ценностей? Вот, друга потерял. Кто убил, знаете?

Его зама передёрнуло.

– Сказал бы я тебе, да тут дамы.

– Ну, значит, потом поговорим. Я позвоню.

– С большим удовольствием, – угрожающим тоном бросил исполняющий обязанности командира СОБРа Максим Коротеев, забираясь в салон автобуса.

Сергей завёз детей в детский сад, а «жену» на Первореченский рынок.

– В офис.

Пока ехали от Первой речки до улицы Мордовцева, где у Серёгиной охранной фирмы был офис, полковник приходил в себя. После произошедших событий голова его гудела и звенела, как секция ударных инструментов большого оркестра. Скорее всего, у Сергея, к тому же подскочило давление.

– «Тело вспомнило своё состояние в две тысячи двадцать третьем году? Что за нафиг?! Ладно мысли и память старого Сергея, – это вещи полезные, но здоровье, желательно, наше бы оставить. А то, как в «Портрете Дориана Грея»... Ещё состарюсь мгновенно!», – думал полковник, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Кетанов есть? – спросил полковник.

– В багажнике в аптечке, – сказал водила. – Здесь только анальгин.

– Давай анальгин.

– В бардачке. Резинкой стянутые.

Боец, сидевший слева, достал анальгин и передал назад. Полковник выдавил из фольги таблетку, закинул в рот и разжевал.

– Отбуцкали? – участливо спросил Гоша.

– Немного. Покувыркаться пришлось.

Сергей тронул обмазанное йодом и заклеенное в трёх местах лейкопластырем лицо.

– Нормально всё.

В арке на Мордовцева стоял один из джипов охраны, который въехал вовнутрь. Остальные машины проследовали за первой.

– «В арке могут заложить эсвэу1», – подумал полковник. – «И заложат. Как пить дать. Свои и заложат. Тот же Юра Мартковский и заложит. Хотя, какие они мне свои? Надо найти точку получше. Где-нибудь на открытом месте».

База охранной организации «Кондор» располагалась в двухэтажном деревянном бараке, обозначенном литерой «8б», выкупленном на деньги Сергея Балугина. На вид здание выглядело непрезентабельно, но летом в нём было прохладно, а зимой тепло, так как кроме централизованного в бараке имелось и печное отопление. Был в офисе и камин с бильярдом. В камине потрескивал огонь, июль девяносто пятого года стоял сырой и холодный. На бильярде лениво перекатывали шары двое бойцов ГБР2. Всего в команде Абдулы состояло двадцать шесть «боевиков», официально оформленных сотрудниками охранной фирмы.

Дежурный доложил обстановку: новая смена ГБР на дежурство заступила в полном составе, две бригады обеспечивают безопасность «шефа», одна – охраняет его сестру с дочкой. Оружейка под сигнализацией, стволы отдыхающей вахты на месте. Автотранспорт на ходу.

– Доклад принял.

Юрий с удивлением отметил, что обстановка в офисе спокойная и вполне себе соответствует его критериям организации военной службы. Он прошёлся по зданию, открывая двери встречающихся помещений.

Кроме бильярдной на первом этаже имелась комната отдыха с телевизором, перед которым сидели три «гэбээровца» и смотрели фильм по «видику». При появлении командира они просто поздоровались и остались сидеть в креслах. В тренажёрном зале мучил железо Зинченко. Находящимся на смене запрещалось тренироваться во время дежурства.

– «Значит Игорь на отдыхе», – подумал Сергей.

Оба приветственно кивнули.

Смена только что закончилась и в душе плескалось ещё четверо.

– «Хорошо тут у них», – подумал Юрий, поднимаясь на второй этаж по деревянной, недавно обновлённой лестнице.

На втором этаже сразу у лестницы был его кабинет, совмещённый с жилой комнатой, где он часто ночевал, рабочий кабинет «шефа» с длинным столом для совещаний и тоже с комнатой и большой двуспальной кроватью. Шеф сюда иногда водил своих актрисок. Далее шли комнаты отдыха ГБР и «гостевые» квартиры.

Заглянув в туалетную комнату с писсуарами и отдельными кабинками, сделанную из целой квартиры, Юрий удовлетворённо хмыкнул. Чисто. Даже почище, чем в СОБРе на Тормозной.

Пока всё им увиденное давало его бывшей «конторе» несколько очков форы. Полковник удивлённо-недоверчиво мотнул головой, словно ему жал ворот рубашки, и улыбнулся.

Используя писсуар по назначению и с удовлетворением посмотрев на мощные струи воды вырывающиеся откуда-то из его недр, полковник вернулся в «свой» кабинет. Стол с телефон-факсом, кресло, сейф, шкаф для посуды, шкаф для одежды. Особняком стоял диван. Окно с железными, от гранатомёта, жалюзи.

– Да-а-а... Офис хороший, но придётся из него съезжать, – сказал сам себе полковник. – Или рыть норы в разных местах. Но об этом потом... Хотя... Почему потом?

Предварительный план работы по организации службы у него составлен ещё в больнице, со структурой, штатным расписанием и бюджетом. Причём, в бюджете имелась не только расходная, но и доходная часть. Поэтому у полковника как раз образовалось время поразмыслить, как жить дальше?

Он по памяти набрал номер телефона начальника Приморского ГРУ.

– Привет, Иваныч, – по привычке в свободной форме обратился Юрий к Ковалёву.

Они оба были полковниками, хотя Юрий свою третью звезду получил не в системе ГРУ, и встречались довольно часто, находя не только дружеские общие темы, но и темы для совместных служебных мероприятий, и поэтому в общении не стеснялись.

– Привет, Серёжа, – спокойно ответил Иваныч.

Полковник мысленно чертыхнулся. Услышав обращение «Серёжа», полковник понял, что обращено оно не к полковнику СОБРа, а к бандитствующему майору Субботину.

– Давай я тебе перезвоню? – попросил Ковалёв и, не дожидаясь согласия, отключился.

Полковник облегчённо вздохнул. В сейфе «зазуммерило».

– «Что за чёрт?!» – чертыхнулся полковник, лапая себя по карманам джинсов, ища ключ. В сейфе оказалась транковая радиостанция «Кенвуд», стоящая в зарядном устройстве. Из станции торчал провод с наушниками.

– Ты что охренел, полковник?! – грубо спросил Юрия начальник ГРУ. – Почему по незащищённой линии звонишь? Ты думаешь тебя контора не слушает? Особенно после убийства Мамаева. Тебя подозревают, понял?

Полковник от всего сказанного натурально «проглотил язык».

– Что молчишь, приём?

Юрий кое-как вытащил откуда-то из глубины глотки зык и судорожно сглотнул.

– Приём, – сказал он.

– Приём-приём! Что хотел?

– Встретиться бы.

– Правильная мысль. Сейчас время есть?

– Есть. Где?

– В кафе на Иманской.

– Принято.

Юрий внимательно рассматривал радиостанцию, запоминая, или вспоминая, установленные волны и каналы. Он понял, что станция работает в режиме сканера, который установлен на плавающую частоту определённого диапазона.

– «И что это сейчас было? – спросил он сам себя. – Кого это Ковалёв полковником назвал? Юрия, или Сергея? Если Юрия, то почему сказал о его, Мамаева, убийстве, а если Сергея, то какой он полковник? Серёга – майор. Связь у них явно со скремблером³, защищённая. Охренеть! Получается, Ковалёв работает на бандитов?! Никому верить, блять, нельзя. Скоро и себе верить перестану.»

Он спустился вниз.

– Отъеду на часок.

– Оружие возьмёте? – спросил дежурный.

Полковник покачал головой.

– «Нахватало мне ещё кого-нибудь из своих завалить, – подумал он. – Из бывших своих... Вот положение!»

– Куда едем? – спросил водителя.

– Куда? – удивился полковник вопросу и понял, что и сам не знает куда. Память Сергея на вопрос не реагировала.

– На Иманскую.

Водитель пожал плечами.

—

1СВУ – самодельное взрывное устройство.

2ГБР – группа быстрого реагирования.

3Скремблер – программное или аппаратное устройство (алгоритм), выполняющее скремблирование – обратимое преобразование цифрового потока без изменения скорости.

Глава 7.

– Через Динамо? – спросил водитель?

– Поехали через Динамо, – задумчиво согласился полковник.

Память Сергея снова не откликнулась, как раньше, когда он касался какой-то новой для себя страницы его жизни. Они тремя машинами выехали на Алеутскую, бывшую 25-го Октября, и, пересекая ей почти поперёк, свернули в сторону стадиона Динамо. За стадионом свернули на Западную. Нырнув под железнодорожный переезд направо, машины проехали мимо ритуального агентства. Здесь мысли Абдулы шевельнулись, но полковник их отогнал. Не то и не теперь.

Он примерно представлял, где может находится кафе, но это было его, Юркино, кафе. В котором они с Ковалёвым не раз и не два справляли дни рождения. А память Абдулы молчала, как партизан на допросе.

Полковник внимательно всматривался в вывески, но иного кафе, кроме «Паруса» на улице Иманской не стояло. Да и то по официальному адресу это кафе значилось стоящим на проспекте Красного знамени. Хотя фасадом выходило на Иманскую.

– Тут тормозни. В кафе зайду.

– Проверка как обычно?

– Как обычно? – удивился полковник и недовольно дёрнул головой. – Пусть будет, как обычно.

Бойцы высыпали из машин, но только двое пошли к парадным дверям, осмотрели вход и вошли в кафе.

Только после того, когда они вышли, перед полковником распахнулась дверь джипа.

– «Солидно работают», – подумал он, наступая на бордюр. – «На уровне девятки1. Хорошо их Серый выдрочил».

В кафе, как всегда, стоял полумрак. Хозяева сэкономили электричество и включали настольные лампы только для посетителей. Полковник иногда, если работа была где-то рядом и имелось время на перекус, в кафе заходил, но ни разу не видел здесь посетителей больше одного.

Вдруг откликнулась память Сергея старшего, и полковник «увидел» это же кафе полное гостей, отмечающих шестидесятилетний юбилей Ковалёва. Было весело. А память Абдулы молчала.

Вот и сейчас перед барной стойкой стоял пожилой бородатый неопрятный человек. Он что-то искал в большом кошельке, перебирая мятые купюры. На стойке на тарелке лежали два пирожка, а рядом стоял стакан с чаем.

Полковник скользнул взглядом по гражданину. Гражданин вызывал такое эстетическое отторжение, что взгляд Юрия на нём не задержался и скользнул дальше в поисках места, «где бы присесть»?

– «Стоп!», – подумал вдруг он, и насильно заставил себя посмотреть на одинокого посетителя. Он почувствовал, как едва-едва шевельнулась память Абдулы.

– «Ах ты ж сука! – возмутился полковник. – Дурить меня вздумали!»

Кто его вздумал дурить, полковник ещё не понимал, но в первую очередь грешил на своё новое тело. Неприятный гражданин взял, тем временем, в руки тарелку с пирожками и стакан в подстаканнике, и двинулся не к столикам, а к неприметной в полумраке двери, обитой такими же, как и стены, деревянными рейками. Открыл её и скрылся, тихонько притворив.

Юрий не стал «шифроваться» и тоже подошёл к этой двери и потянул на себя. За ней была темнота, однако Юрий вошёл и дверь за собой притворил. Тут же включился свет. Ковалёв сидел за столиком в углу и уже пил чай, аккуратно процеживая его через накладную бороду.

– Сколько раз пробовал пить через бороду... Пренепротивнейшая мерзость. Особенно водка, – сказал Сергей. – Я вообще не понимаю тех, то водку цедит. Это какой-то мазохизм. Водку надо забрасывать в рот и сразу глотать.

– Согласен, – сказал начальник ГРУ. – Зато коньяк через бороду, это нечто! Потом запах стоит от бороды. Даже сейчас, после чая, старый аромат чувствуется, а ведь пользовал я её уже, как недели две назад.

– Не до шуток мне сейчас Иваныч.

– Чего так?

– Ты говорил, что меня фэбэры подозревают в убийстве Юрки? Так, вот, правда это. Поэтому, на душе полное гавно.

– Во, бля! – только и смог сказать Ковалёв.

Тут память Субботина словно раскрылась для Юрия и полковник впал в ступор. Поэтому заговорил, в общем-то, Абдула.

– Кто ж знал, что его туда черти занесут?! Ты же помнишь, что мы пасли отморожков, что в мае неудачно покушались на Кирилина. И по нашей «вине», кстати, Надеждинский глава остался жить. И во второй раз тоже, кстати. Наши постреляли Матвеевских. Передали, что несколько ушли через из окна. Первый этаж же. Мы с черепом были в прикрытии и перекрыли арочку. И кто знал, что Юрчик в том же доме какой-то адрес проверял. Один, мать его! Вот он первый в арочку и вышел. Вместо Матвеевской группы.

– Вот же ж блять, – выругался Ковалёв.

– Я ж и целил в броник, да пуля, говорят отрекошетила и в шею попала.

– Я читал сводку, – резко бросил Ковалёв. – Вот же... Встретились, блять, два одиночества! В тёмном переулке в три часа ночи. Сказали, что и в тебя попали.

– Попали. Доктор кудесник. Андрюху выдернули. Месяц со мной возился.

– В Заливе?

Сергей кивнул.

Юрий ничего не понимал. Получалось, что с Сергеем они встретились, когда те охраняли известного предпринимателя, а сейчас главу администрации Хасанского района, на которого уже не раз и не два совершались покушения. Где-то в хассанской администрации «протекала крыша» и бандиты узнавали о его перемещениях. Субботин со своими бойцами, похоже, заманили отморожков в ловушку. Распространив информацию о месте ночёвки Кирилина. В неё же угодил и Юрий, решивший в одиночку проверить инфу одной проститутки, которых приволокли опера с убойного отдела.

Адрес девчонка дала правильный, только арок в том дворе оказалось две. Вот одну и пас Юрий. Только стрельба началась в другом адресе. Квартиры оказались совмещённые.

Юрий наконец-то пришёл в себя, прочитав мысли Сергея и всё правильно поняв. Тот, оказывается, всё то время, что они находились в ссоре, продолжал служить в ГРУ. И даже за четыре года сумел дослужиться до полковника. Юрием овладела ревность. Полковник ГРУ – войсковое звание, а полковник милиции – специальное, в военный билет не записывается. Доведись сейчас Юрию восстановиться в вооружённых силах, взяли бы майором.

– Тут есть ещё одна проблема, – сказал Юрий, откашлявшись.

Он полностью овладел телом и общим сознанием.

Ковалёв поставил на стол подстаканник.

– Как-то так получилось, что сознание Юрки перешло в меня.

Ковалёв прищурился, но ничего не сказал и не спросил. Выдерживал паузу следователя. При начале признательных показаний подследственного было рекомендовано воздерживаться от вопросов. Начал говорить, пусть говорит до конца.

Юрий тоже знал про эти рекомендации и продолжил.

– Даже, скорее не в меня, а в тело Сергея. Сейчас с тобой, Иваныч, говорит не Сергей. Душа Сергея куда-то делась. Наверное, вылетела, из-за попадания пули в сердце. Не знаю. От него осталась память и некоторые рефлекторные реакции. В том числе и речевые. Начинать разговор с тобой его... Э-э-э... Разум, что-ли?

Юрий пока решил не говорить о памяти Сергея из будущего.

– Но с его памятью не всё так просто. Она не раскрытая передо мной книга. Я не могу её листать. Она вроде как просыпается, время от времени. То есть, я не всё помню, что знал Серёга. Я вот совсем не знал, что он восстановился на службе.

– Ты не восстанавливался на службе. Ты не уходил со службы. Забыл?

– Ты не услышал! – чуть повысил голос Юрий. – Я не Сергей!

– Ты не дури! – тоже повысил голос Ковалёв. – Юрку жаль. Это безусловно! Но... Не сходи с ума. В «дурку» хочешь?!

– Ты не горячись! – уже тише сказал Юрий. – Я тебе легко сейчас докажу, что я – это Юрий. Я знаю все его, то есть мои, явки, пароли, оперативные дела, агентов, наконец. И ещё... Тот номер телефона, по которому я тебе позвонил... Он ведь не простой номер. Ты сам мне говорил, что не всем его даёшь. Что он у тебя идёт через...

– Тихо, ты!

Ковалёв встал и вышел из-за стола, подошёл ближе к Юрию, приподнял его подбородок, заглянул в глаза. Серые радужки едва виднелись за щёлочками век.

– Скажи своё кодовое слово.

Юрий сказал.

– А чрезвычайное?

Сказал.

– Такого не бывает!

– Сам знаю!

– А теперь скажи то же самое, но свои.

– В смысле?

– Ну, для Субботина.

– Так... Это... Не знаю. Всё, что касается тебя Абдула спрятал куда-то далеко. Оно вылезет постепенно, но пока... Не знаю. От полиграфа, наверное спрятал.

– Правильно. Учили его этому. В смысле – тебя. Тьфу, блять. Запутал совсем.

Ковалёв снова уселся на свой стул и забарабанил пальцами по столу.

– Та-а-а-к... Так не бывает, но случилось... А значит, что?

«Бородач» снова побарабанил пальцами.

– Сможешь продолжить игру? Говоришь, не всё помнишь?

– Серёгино не всё помню. А что за игра?

Ковалёв снова подскочил со стула и прошёлся до входной двери, приоткрыл её и выглянул в зал. Свет погас, а потом снова, когда дверь закрылась, загорелся. Потом Ковалёв взял пульт от стоящего в нише под потолком, телевизора и включил его. На экране появилась мерцающая рябь помех, а вслед за ней раздался характерный шум. Сделав шум погромче Ковалёв посмотрел на Сергея.

– Вот же ж бред! Сам себе не верю, что верю в эту чушь! Но делать нечего. Слушай. С момента падения Союза предполагалось, что начнётся передел сфер влияния и разграбление страны. Не будем сейчас о том, можно ли было его избежать. Вся структура Союза прогнила с низу до верху. Предатель на предателе. И в партии, и в правительстве, и в у нас, и у наших соседей. Везде, короче. Да тебе ли не знать? Про опиум, что из Афгана военными бортами возили, слышал? Ну вот. А держать власть в этом беспределе надо... Вот и поступила команда поддерживать определённых людей. Нельзя допустить управленческого хаоса.

Он замолчал, взял стакан, поднёс к губам, но потом, увидев, что он пуст, поставил на стол.

– Ты о новом губернаторе?

Ковалёв кивнул.

– Но ведь рядом с ним бандиты?! – возмутился Юрий

Ковалёв хмыкнул.

– А где их сейчас нет? Ты думаешь в СССР рядом с партией и правительством не крутились бандиты? Да сколько угодно! Особенно на Кавказе и в Средней Азии. Через воров в законе Иосиф Виссарионович страной управлял. Главное, чтобы беспредела не было, а он сейчас есть. Вот наша задача – беспредел прекратить.

– Так, вроде, как не наша это функция, – проговорил Юрий. – Соседи да менты пусть крутятся.

– Они и крутятся, как могут. Менты только документируют сходки, анкетировывают бандитов, профилактические мероприятия проводят, вербуют и подсасывают информацию. А «соседи» сейчас заняты отбором государственной собственности и создании новой элиты. Из себя любимых. Такая им дана установка. Финансовая система СССР рухнула, а закордонный агентурный аппарат содержать надо. Не до бандитских разборок им сейчас.

– То есть, если я правильно понимаю, то, чем занимался Сергей, – установка партии и правительства?

Ковалёв поморщился.

– Не всё так просто. В горле пересохло. Пойду чай налью. Тебе принести?

– Принеси.

Ковалёв вышел и вскоре снова вернулся, неся в одной руке два стакана в подстаканниках, а в другой вазочку с какими-то мелкими плюшками.

– Тут у них хорошая выпечка.

– Я знаю. Ты постоянно об этом говоришь. И это ещё одна наша контрольная фраза.

– Верно, – вздохнул Ковалёв и добавил. – Охренеть!

Он снова уселся за стол и какое-то время они отдались горячему чаю и плюшкам. Потом Юрий спросил.

– Но если так всё централизованно, то как тогда в мэры пробрался этот чудик? Они же с губернатором были на ножах.

– Ну, во-первых, не такой уж он и чудик. Капраз всё-таки. Говорят – технический гений. Буйный немного, но сейчас это может и к лучшему. Тут ещё надо понимать, что, централизации, как ты говоришь, по сути, нет. Там, в Москве, тоже та ещё гидра...

– Это понятно.

– Хорошо, что многие там тупо занимаются расхищением государственной собственности, и не играют в региональную политику.

– Но ведь мэр и губернатор должны работать вместе?! Вот сейчас, например...

– И воровать вместе? Вот увидишь, этот мэр ещё проворуется, – сказал Ковалёв.

У Юрия в голове вдруг пронеслась вереница Владивостокских мэров вплоть до две тысячи двадцать третьего года. И оказалось, что нынешний мэр стал одним из немногих мэров, не привлечённых к уголовной ответственности.

– А давай поспорим, что не проворуется? – сказал Юрий, улыбаясь.

– Узнаю брата Колю, – сказал Ковалёв. – Абдула бы не позволил себе панибратствовать с начальством. Значит ты точно Юрка. Вот же ж казуистика! Убили одного, но он жив, а тот, кто выжил, того нет.

– Казуистика, – согласился Юрий и решил, что пришло время сознаться и в большем. – Ещё хочу сказать. Только ты не сочти меня за шутника или психа.

– Ещё большего психа?! – вскинулся Ковалёв. – А разве бывают такие?

– Бывают, – Юрий вздохнул. – Я будущее знаю.

Ковалёв молча сидел пару минут, а потом спросил:

– С чего это ты вдруг решил?

– Вижу события разные. Которые ещё не случились. Сны.

– Хрена ты! Ясновидец какой! Сны и я вижу! Но не уверен, что они вещие.

– У меня Серёгина память, но она не теперешняя, а аж до две тысячи двадцать третьего года. И там он умирает. Я видел, как он умирает, Иваныч. Но там не было и меня, Юрия. Я немножко сначала запутался, где я, а где он. Но потом понял, что это его память, потому, что меня здесь убили.

– Блять, Серёжа! Или Юра? Да ну тебя! Он, блять, запутался. У меня сейчас мозг лопнет! На хрена мне ещё про это знать? Какое нахрен будущее?!

– Например, в августе будет покушение на Балю, а в сентябре на Макара.

– Какого Макара?

– Александра Макаренко.

– Этот в наших списках не значится.

– А Балю?

– Этот, точно нет. Ты ж защищаешь его. А-а-а... Ну да. Не помнишь?

– Это помню, почему и удивился вашей с Сергеем связи. Он, что, тоже ваш?

Ковалёв покачал головой.

– наших в бандитах нет. Кроме тебя. Хотя, его тоже бандитом сложно назвать. Сам он в стороне от физических расправ и старается решать дела мирным путём. Вот его некоторые исполнители. Перегибают палку. Некоторых беспредельщиков мы уже вывели из игры.

– А меня? Можно назвать бандитом?

Ковалёв вздохнул.

– Ты, – он на несколько секунд запнулся. – Ты, Сергей, не бандит, а ликвидатор. Все мероприятия организуются с санкции верхнего руководства.

– То-то и оно, что «верхнего». Где они будут, когда дядя прокурор за ноздри подтянет, в стойло поставит и насильственным путём рога ломать станет. Или самого ликвидируют за ненужностью.

– Ты что говоришь такое?! – возмутился Ковалёв. – Время сейчас такое. Если не мы, так они нас. Ты же видишь, какой беспредел твориться? Ты людей защищаешь. Ладно наши спортсмены... Почти мирно с коммерсантами договариваются. А уголовники? Третья смена, или общаковские? Те же привыкли по старинке нелегалов трясти. Как в СССР трясли, так и сейчас... С паяльниками и плоскогубцами. Да детей воруют и пальчики родителям присылают. Ты же помнишь кого убирал или нет?

– Не очень.

– Могу список дать. Там нормальных нет. Душегубы те ещё. Таким просто нельзя по земле ходить. Война, Юра! Серёга сам подписался на эту работу. Его никто не неволил. Ты можешь отказаться. Неволить никто не будет. Можешь уволиться. На пенсию уйти. Сам смотри.

– Список ещё большой?

– Есть немного.

– Покажешь потом?

– А ты не помнишь?

Юрий покачал головой.

– Тут помню, тут, как обрезало, – пошутил он, вспоминая «Джентльменов».

– Шутит он?! – возмутился Ковалёв. – Киндер-сюрприз, блять! Так что ты там про будущее можешь сказать?

– Наше с тобой будущее, Иваныч, светлое и чистое и проживём мы с тобой до двадцать третьего года – точно. Я-то в том годе кони брошу, а ты будешь жить ещё дальше. Но дальше я не вижу, ибо не жил.

– Ну хоть скажи, долго эта свистопляска продолжаться будет? С Ельциным этим.

– Не-е-е... Херня вопрос! Пятилетку осталось продержаться. Но ждут нас, Иваныч, великие потрясения.

—

1 «Девятка» – девятое управление КГБ СССР, ответственное за охрану руководителей Коммунистической партии.

Глава 8.

После встречи с Ковалёвым сознание полковника уже не троилось, а четверилось. Юрий никак не мог представить Сергея, которого почти пять лет считал бандитом, борцом за справедливость, на счету которого более десятка ликвидированных рецидивистов. Ковалёв продиктовал список «уработанных» и у Юрия в голове всплыли их досье и подробнейшие обстоятельства проведённых им операций.

Сергей оказался хитрее и предприимчивей, и Юрия, когда он вернулся в «офис» на Мордовцева, охватила паника. Откровенно говоря, полковник Мамаев за годы работы в милиции отвык от планирования спецопераций, чем занимался ранее в ГРУ. Хотя и там до самого планирования его не допускали, но участвовать в обсуждении конечного варианта задания приходилось не раз и не два.

Здесь же в СОБРе его работа свелась, в конце концов, к выездам на бандитские «совещания», называемые сходками, обеспечении безопасности при обысках и участие в задержаниях.

Юрий сидел, тупо уставившись в поверхность стола и пытался успокоить кипящий мозг, когда в его кабинет вошёл «шеф».

– Сергей Григорьевич! Приветствую! Как самочувствие? Настроение?

– Хреновое настроение! Голова раскалывается!

– Говорят, менты задержать пытались?

– Пытались. Выкрутился.

– Зачем к дому командира СОБРа поехал?

– Денег я у него занимал когда-то на квартиру, – соврал полковник. – Появились, решил жене его отдать. У него две дочери остались.

– Большой долг?

– Двенадцать тонн зелени.

– И что, все сразу отдал? – удивился «шеф».

– Не-е-е... По частям буду носить.

– Дети погибшего друга – святое. Ну ладно, это твоё дело. А по нашим... Составил, что обещал?

– Планы, бюджеты? Составил. Перепечатывать надо?

– У тебя почерк читабельный. Пойдёт и в рукописном виде. Давай!

Юрий пододвинул к краю стола папку с документами.

– Извини, Дмитрич, лучше ты присядь. Подниматься мне тяжело. Чердак раскалывается.

– Да, сиди-сиди, понимаю, – сказал «шеф», присел к столу «подчинённого» и взял папку.

Пока он листал страницы и читал сопроводилки, Юрий пытался привести организм в относительный порядок, но получалось плохо.

На него давило, в том числе, и знание грядущих событий. Ведь получалось, что все, окружающие его персоны: бандиты и власть имущие только и делали, что занимались отъёмом денег у населения. Порой очень даже не честным отъёмом. Да, потом экономика заработала именно благодаря им, олигархам. И рыбная отрасль Приморья, и лесоперерабатывающая, и животноводство с остальным сельским хозяйством, с начала двухтысячных обеспечивали жителей Приморья и едой, и рабочими местами, но методы, которыми были достигнуты необходимые результаты, Юрия коробили.

Юрий понимал, что его должно отпустить, надо было только немного подождать. Так уже бывало раньше, когда ему не нравились приказы начальства, ведущие к излишним, по мнению Юрия, запланированным невосполнимым потерям. Он обычно выпивал побольше коньяку и пересыпал с «этим» ночь, а утром очередной «червь», отравленный алкоголем, уже сидел где-то глубоко. Они, эти древоточцы, сидели в нём, как в старом дереве, потихоньку выедавая его,

Юрия, сердцевину. Полковник понимал, что ему теперь было особенно плохо, потому, что с него вдруг слетела защищающая его «кора» доверия к государству, и «черви» утрат выползли наружу все и разом. А Юрий вдруг увидел свою душу в виде белого трухлявого ствола, изъеденного древооточцами.

– Ну, что ж? Очень даже неплохо, – сказал шеф. – Но ты, всё-таки, отводишь свою охранную фирму в сторону от консорциума? Объясни, почему?

Юрий напрягся. О уже выпил пенталгин и ждал реакции организма, но она не наступала, поэтому Юрий говорил тихо и осторожно.

– Когда охранная фирма открыто аффилирована определённому кругу лиц, её и этих лиц можно легко обвинить в сговоре. Нас впереди ожидают рейдерские захваты предприятий. Зачем давать оппонентам лишние козыри для протеста. В бюджете заложено открытие ещё одной охранной организации. На Мамаеву Галину Анатольевну.

– На Мамаеву? Это, которая «жена»? – удивился «шеф».

– Да. Я сначала хотел её к себе пригласить работать. В новую структуру при «Ролерсе». Но потом подумал, что это не приемлемо по нескольким причинам. Во-первых, она потеряла бы уважение сослуживцев мужа и их поддержку, а во-вторых смущала бы своим присутствием вас и наших теневых партнёров.

– Это верно, – облегчённо выдохнул «шеф». – А я уж напрягся было. И кто будет учредителем фирмы?

– Есть у меня несколько бывших офицеров. Из молодых. Хотел к себе привлечь, но перерешал. Думаю, они не откажутся от самостоятельной охранной деятельности. Надо только деньгами им помочь, с документами, да с атрибутами охранной деятельности: рации, оружие, машины.

– Это много денег потребуется, – почесал подбородок «шеф», – а ты сам знаешь, куда сейчас деньги уйдут. Подождать нельзя?

– Можно, – скривился полковник. – Но с новым ЧОПом было бы легче спрятать наши уши.

Он ждал именно такую реакцию от «шефа»: «денег нет». Но тему нового независимого охранного предприятия надо было озвучить заранее, чтобы потом не предъявили. А деньги они с Ковалёвым найдут.

– Так... И от отдела маркетинга ты отбояриваешься?

– Да куда мне с моим рылом в калашный ряд, когда в Ролерсе свои финансисты-экономисты. Пусть сами свои дела делают. Справлялись же без меня. Хочешь, дай им эти бумажки, пусть выстраивают. Но тут ведь всё просто. Сейчас, главное найти поставщиков нужной продукции и нужного снабжения. Продать рыбу – не проблема. Перекупов полно. А со списками поставщиков, думаю у Ролерса всё в порядке. Старые партийные телефонные справочники имеются. А логистические цепочки выстроить, как два пальца об асфальт.

– Логистические цепочки? Ещё что-то новое придумал? Что это такое?

Полковник сам чуть не заржал. Слово выскочило из памяти Субботина «старшего».

– Логистика – это процесс управления материальными и финансовыми потоками, – выдал он определение. – На западе так обзывают снабженцев и грузоперевозчиков.

– Понятно.

«Шеф» снова углубился в чтение, но через пару страниц вновь посмотрел на Сергея.

– Я не пойму... Ты совсем хочешь отстраниться от нашей... э-э-э... силовой работы? Хочешь в тину нырнуть?

– Ну, во-первых, с полгода-год от меня толку будет мало. А во-вторых, зная про девяносто восьмой год, африканскую тему надо активизировать. Только там можно заработать валюту. Ну, кроме контрабандного вывоза минтая и крабов в Японию, конечно. У вас же в Гвинее, золотодобыча организована?

– Ну в Гвинее. А ты откуда знаешь? – удивился Балу. – Только не говори, что приснилось. Не смешно уже, Серёжа.

Полковник удивился.

– В смысле, Дмитрич? Ты что, не веришь мне?

– Что тебе в голову всякие дурные мысли лезут? Про будущее? Не смеди мои тапочки. Кто же нормальный в такую хрень поверит?

– А как же мои справки? Про то, что ещё не произошло, про выборы и про Кабана с Костеной.

– Серёжа, – вздохнул устало Балу, – то, что Кабану Вини прострелит когда-нибудь ляжку, экстрасенсом быть не надо. Лёня достал всех своей крутизной и попытками взять под себя все скупки золота. А убивать его не за что. Пока... Согласен?

Сергей недоумённо пожал плечами.

– Ну вот! А про Макара и Костену... Вполне возможно, что у Викторыча есть претензии к Сане. Хотя бы по тому же самому «Леону». Они давно спорят... И ты об этом знаешь, и менты. Вот и закроют они его при малейшем случае. Если Макара завалят.

– То есть, вы мне не верите? – изумился полковник.

– Ну сам подумай, Серёжа. Как такому нормальные люди могут поверить? Ты ведь не баба Ванга, и не Кашпировский с Чумаком. Хотя те такой ерундой не страдают, а просто тупо рубят бабло.

– А зачем же я... Э-э-э... Справки писал... Левой рукой, блять...

– У тебя в голове что-то, Серёжа, перекрутилось после того случая в подворотне. И ты сильно хотел меня спасти. Ну как тебя не выслушать?

Полковник, наполняясь внутренним возмущением, попытался вставить слово, но «шеф» не позволил, быстро продолжив:

– Я тебе, Серёж, искренне благодарен. И, конечно же, приму соответствующие меры. Откуда ты про будущее покушение узнал, остаётся только догадываться, но, всё равно, спасибо. И тебе, и твоим информаторам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.